

ФЕОДОСИЙСКИЙ МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ФЕОДОСИИ И ЕЕ ОКРУГИ В 1920 – 1930-х годах

Феодосийский музей древностей (ФМД) – учреждение в некотором роде уникальное. Основанный 13 (25) мая 1811 г. и существующий уже два столетия, он славится как один из старейших музеев на юге России и фактически первый музей в Крыму¹. Много бед и трагедий пережила за это время наша страна, и небольшой музей в Феодосии в полной мере разделил ее судьбу. В Октябре 1917 г. закончился дореволюционный период его истории, отмеченный яркими именами и блестящими археологическими открытиями, хотя и далеко не безбедный, так как перманентно не хватало средств на содержание и развитие музея, многое держалось на энтузиазме и бескорыстной преданности горстки людей, не являвшихся профессиональными историками и археологами, хотя, конечно, бывших широко образованными и интеллигентными. На протяжении всего этого более векового периода существования музея его заведующие и их добровольные помощники занимались охраной памятников старины в Феодосии и соседних с ней местах, о чем свидетельствуют документы из архивов Крыма, Украины и России, публикации в «Записках ООИД» и «Известиях ТУАК».

История музея и его деятельность по охране памятников старины в Феодосии и ее округе в послеоктябрьский период и до Великой Отечественной войны наименее известна нам по той причине, что не сохранился архив КрымОХРИСа, игравший первостепенную роль в жизни музеев и охране памятников в Крыму в 1920-х гг., а основная масса документов из архива Феодосийского музея древностей пропала в годы войны. Ныне материалы по 1920–1930-м гг. рассредоточены по фондам ГААРК, при этом фонд собственно Феодосийского музея не очень богат [ГААРК. Ф. Р-4060]. Да и исследователей более привлекает яркая история музея XIX – начала XX в., интерес вызывают люди, с ним связанные: С.М. Броневский, И.И. Граперон, Е.Ф. де Вильнёв, А.А. Сибирский, И.К. Айвазовский, А.Е. Люценко, Н.Н. Мурзакевич, С.И. Веребрюсов, О.Ф. Ретовский, Л.П. Колли. На этом фоне прозаично выглядят указы и циркуляры ревкомов и советов, переписка музея с вышестоящими инстанциями по хозяйственным и финансовым вопросам, однообразные ведомости на зарплату музейным сотрудникам, сметы денежных расходов музея и финансов, требующихся на его нужды.

Между тем в науке давно признано, что 1920-е гг.

¹ См. литературу по истории музея: [Кончин, 1989, с. 32-51; Петрова, 1994; Петрова, 2000, с. 14-37; Петрова, 2010, с. 168-171; Петрова, 2010а, с. 460-462; Непомнящий, 2000, с. 22-74; Тункина, 2002, с. 207-215, 290-293; Тункина, 2011; Сотрудники Феодосийского музея..., 2011].

были временем расцвета краеведения в Крыму. И насыщенные памятниками старины Феодосия и ее округа, а также доставшиеся большевикам в наследство от прошлых времен Феодосийский музей древностей и Картинная галерея И.К. Айвазовского не были в те годы обойдены вниманием ни новых властей, ни деятелей науки и культуры. К таким выводам я пришла, обратившись к архивным материалам. Поводом же к такому обращению послужили недавно вышедший в свет сборник документов из Центрального муниципального архива г. Москвы [Охрана и изучение памятников..., 2008; Хливнюк, 2007] и научные публикации последних лет, посвященные охране памятников в Крымской АССР.

Годы 1920–1925. В ходе революций и гражданской войны музей в Феодосии сохранился благодаря двум его заведующим – Людвигу Петровичу Колли (23 декабря 1849 г. – 28 декабря 1917 г. по ст. ст.), французу швейцарского происхождения, почти сорок лет прожившему в Феодосии, бывшему хранителем музея в течение 17 лет и умершему в Феодосии, и сменившему его Вениамину Давидовичу Гейману (ок. 1887 г. – после 1970 г.)² – уроженцу Феодосии, краеведу и журналисту. В годы гражданской войны фактически единственной организацией, которая была тревогу по поводу неудовлетворительного состояния некоторых памятников в Феодосии и близлежащих к ней мест и необходимости их охранять, была Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК) [Андросов, 2004, с. 133, 136]. Но не до того было сменявшим тогда одна другую властям, так что без весьма существенных потерь культурных ценностей не обошлось.

С окончанием гражданской войны и установлением большевистской власти в Крыму (14-16 ноября 1920 г.) начинается новый период в жизни музея, а заодно коренным образом меняется подход к делу охраны и поддержания памятников истории и культуры.

Нужно сказать, что, несмотря на все уму не постижимые трудности, с которыми столкнулась страна в 1920–1930-е гг., новая власть довольно энергично взялась за дела музеев и охрану памятников, сильно пострадавших в военные годы. Не без того, что в музеях она видела средство пропаганды и агитации, воспитания масс в духе новой идеологии; музеи были нужны еще и как хранилища экспроприированных и национализированных исторических и художественных ценностей. И как это ни удивительно, но наибольшие достижения в деле сохранения культурного наследия Крыма относятся к самому тяжелому для страны времени – к 1920-м гг.

² Он назывался «временным заведующим памятниками старины и достопримечательностями Феодосийского района».

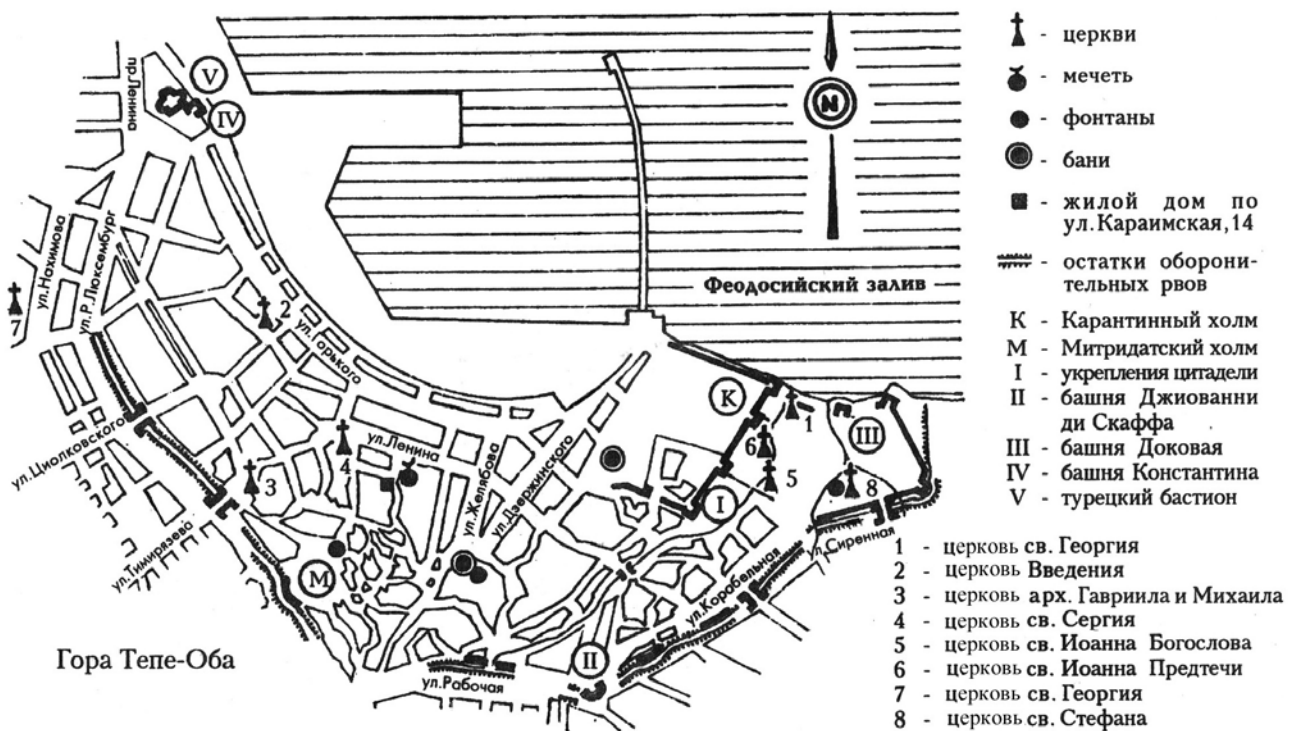

Рис. 1. Памятники архитектуры на плане г. Феодосии (по Е.А. Катюшину, Н.С. Барсамову).

В ноябре 1920 г. в Симферополе был образован Крымский революционный комитет (Крымревком), ставший на время высшим чрезвычайным органом власти на полуострове и тут же приступивший к изъятию ценностей и книг из дворцов и усадеб, оставленных их владельцами, и к делам по охране памятников³. 16 ноября создается Феодосийский уездный ревком.

21 ноября того же года при подотделе искусств отдела народного образования (Крымнаробраз) Крымревкома организуется секция по охране памятников старины и культурных ценностей (ее возглавил известный археолог Г.А. Бонч-Осмаловский), в мае 1921 г. преобразованная в Крымский областной комитет по делам музеев и охране памятников искусства, истории, старины и народного быта (КрымОХРИС), ставший самостоятельным подотделом Крымнаробраза. В ноябре-декабре 1920 г. в Бахчисарае, Евпатории, Керчи, Севастополе, Феодосии и Ялте создаются окружные секции КрымОХРИСа – уездные охрисы (существовавшие до 1 января 1925 г. – с этого времени их обязанности по охране памятников переходят к местным музеям)⁴. Охрис Феодосийского уезда (с октября 1921 г. называвшемся Феодосийским округом) с осени 1920 г. возглавлял художник, искусствовед, директор Картинной галереи И.К. Айвазовского Герасим Афанасьевич Магула (1873–1923). Осенью 1923 г. и в охресе, и в галерее его сменил художник, искусствовед

³ См. соответствующие документы, поступавшие в Феодосийский музей: ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 1.

⁴ Об организации и деятельности КрымОХРИСа см. подр.: [Полканов, 1928; Полканов, 1930; Андросов, 2002; Андросов, 2006].

Николай Степанович Барсамов.

24 ноября 1920 г. издается приказ Крымревкома, по которому собственностью государства объявляются «все памятники зодчества, археологии, этнографические и пр. памятники и музеи, коллекции и предметы»; наблюдение и ответственность за их состояние возлагается на секцию по охране памятников старины и культурных ценностей (в дальнейшем – КрымОХРИС) [ГААРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. 6 декабря того же года Феодосийский наробраз обязует все учреждения и частные лица в трехдневный срок сообщить об имеющихся у них художественных ценностях [ГААРК. Ф. Р-1025. Оп. 1. Д. 103. Л. 4 об.]. 14 февраля 1921 г. выходит приказ Крымревкома о регистрации «всех художественных, археологических и естественно-исторических коллекций и предметов с воспрещением вывоза их из пределов Крыма»⁵. В августе того же года – приказ Крымревкома, по которому запрещались «занятие, использование, переделки, перестройки, раскопки всех вообще памятников и исторических мест в Крыму, а также производство археологических раскопок, разведок и изысканий без разрешения КрымОХРИСа» [Полканов, 1928, с. 175]. И это только часть тех приказов, постановлений, которые следовали один за другим во имя спасения художественных ценностей. Впрочем, далеко не все они исполнялись.

В Крыму музеи и раритеты оказались под надзором нескольких организаций – КрымОХРИСа (с апреля 1927 г. – инспектора по делам музеев), Главного управ-

⁵ Приказ был опубликован в газете «Красный Крым» за 19 февраля 1921 г.

ления научными, научно-художественными и музейными учреждениями Наркомпроса РСФСР (Главнаука), Центральных государственных реставрационных мастерских при Отделе по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР (ЦГРМ); к этой работе подключились Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), Российское общество по изучению Крыма (РОПИК), Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК), в 1923 г. переименованная в Таврическое общество истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ) [Полканов, 1928; Полканов, 1930; Козлов, 1984, с. 15–17]. В Крым приезжали ученые из Москвы, Ленинграда. Благодаря такому вниманию со стороны центральных научных организаций сотрудники крымских музеев имели возможность получать квалифицированные консультации по вопросам музейного строительства, обследования и охраны памятников истории и культуры.

27 ноября 1920 г. на имя В.Д. Геймана (как и заведующих других крымских музеев) приходит телеграмма с предписанием принять меры по защите музея, следить за состоянием памятников архитектуры в уезде, приступить к собиранию покинутых и находящихся в ломбардах культурных ценностей и представить доклад о состоянии музея и памятников старины в секцию охраны памятников Крымского отдела Наробраза [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 1. Л. 27]. Гейман, однако, даже не приступил к исполнению этих указаний, так как в ноябре 1920 г. навсегда покинул родину. Решение всех этих вопросов легло на плечи его преемника.

Новым заведующим музеем (или хранителем – так по старинке еще называлась эта должность) становится *Екатерина Елисеевна Пирлик-Шоститко*⁶ – специалист с высшим образованием, археолог, приват-доцент, деятельный участник феодосийского отделения Крымско-Кавказского горного клуба (работавшего с 1916 г.), сотрудник Феодосийского отделения КрымОХРИСа, с 1924 г. – член Феодосийского отделения РОПИК [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 1. Л. 252 слл.; Д. 2. Л. 1 слл.; Д. 3. Л. 167]⁷. К сожалению, мы немного знаем об этой первой в истории музея женщине – женщине, можно сказать, героической: ей довелось работать в музее и заведующей, и научным сотрудником в самые тяжелые для страны и музея годы – послевоенная разруха, голод, бандитизм, красный террор, формирование новых органов власти в центре и на местах, отсутствие у большевиков ясного представления о том, что и как нужно спасать и охранять из доставшегося им от прежней России наследства.

В обстановке нестабильности и неопределенности этой молодой женщине фактически в одиночку приходилось заботиться о сохранности коллекции музея, заниматься пополнением его фондов в ходе изъятия

ценностей у «бывших» и по мере собирания каменных «плит и фрагментов исторического значения, разбросанных по городу и уезду» [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 167], выезжать за пределы города для обследования бесхозных, брошенных на произвол судьбы исторических памятников и для «спасения от расхищения и уничтожения предметов искусства и старины» [Козлов, 1994, с. 142].

По воспоминаниям А.И. Полканова, условия музейной работы в Крыму в 1921–1922 гг. были гораздо более трудными, чем в иных местах: музейные работники долгое время не получали пайков и заработной платы, их выезды за пределы города были сопряжены с риском потерять не только поклажу и одежду, но и жизнь; ко всему прочему невозможно было найти транспорт, ценности приходилось переносить на руках, перевозить на тележках, в лучшем случае – на однолошадных дрогах [Полканов, 1930, с. 98, 99]. Голод 1921–1922 гг., порожденный неурожаем и политическими катаклизмами, был страшным: по воспоминаниям очевидцев, в Феодосии в день умирало по 30–40 человек, люди умирали прямо на улицах, началось людоедство, свирепствовал сыпняк [Купченко, 2007, с. 147, 155, 161]. И в последующие годы было не легче. В списке ученых и литераторов, находившихся в Крыму и нуждавшихся в помощи, опубликованном в феврале 1923 г. в журнале «Новая русская книга», мы находим Е.Е. Пирлик [Купченко, 2007, с. 179].

В 1921 г. Екатерине Елисеевне было поручено ответственное дело: разборка богатейших архива и библиотеки известного военачальника, профессора истории, автора книги «Легенды Крыма» Никандра Александровича Маркса (1861–1921), находившихся в его имении в Береговых Отузах (Курортное, *Феод.*). Результатом командировки Пирлик-Шоститко в Отузы стал отчет, свидетельствующий о трудоемкости и сложности проведенной ею работы [Архив ФМД. К.П. 25215. Н.А. 297; Купченко, 1998, с. 4 слл.; Татаринцева, 2009]. В том же, 1921 г. она занимается описью художественных ценностей в Судак и Новом Свете, совместно с А.К. Магулой – регистрацией художественных ценностей в доме И.К. Айвазовского по ул. Виноградовской, взятых на учет отделом Наробраза [ГААРК. Ф. Р-1025. Оп. 1. Д. 107. Л. 361–361 об.; Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 1. Л. 36]. И подобных дел было у нее немало.

По решению КрымОХРИСа с 15 апреля 1922 г. заведующим Феодосийским археологическим музеем назначается академик, искусствовед *Алексей Петрович Новицкий* (1862–1934) [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 1. Л. 101; Д. 2. Л. 9 слл.; Бонь, 2004; Бонь, Жарков, 2011, с. 58–63], приехавший в Коктебель на свою дачу в 1918 г. и оставшийся в Крыму в связи с событиями гражданской войны и по причине болезни. Одновременно он работал в должности профессора Феодосийского института народного образования по кафедре русской истории. Но все это недолго: уже в июне 1922 г. Новицкий покидает

⁶ В некоторых документах, видимо, по ошибке, она именуется Екатериной Алексеевной.

⁷ См. также: [Маркевич, 1925, с. 85; Купченко, 1998, с. 20; Купченко, 2002, с. 407; Татаринцева, 2011, с. 57].

Крым⁸.

Дела музея вновь принимает Е.Е. Пирлик-Шоститко. В документах с 1923 г. она именуется Пирлик-Малаявской [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 2. Л. 26 слл.; Д. 3. Л. 167, 202 и др.]. Судя по тому, что Екатерина Елисеевна сменила вторую часть фамилии, она вышла замуж; в это время у нее родилась дочь [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 202]⁹.

С апреля 1922 г., после перерыва, пришедшего на время гражданской войны, Феодосийский музей древностей, теперь называвшийся археологическим и историко-археологическим, вновь начал принимать посетителей [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 166; Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 1. Л. 241]. Поначалу вход в него был бесплатным; с 1923 г. плату ввели – билет стоил 15 коп. [ГААРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 2. Л. 35].

Музейные работники, как правило, являлись сотрудниками КрымОХРИСа (такowymi были и А.П. Новицкий, и Е.Е. Пирлик, и даже сторож музея [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 2]), а значит, решали те же задачи, что и КрымОХРИС. КрымОХРИС же занимался собиранием художественных ценностей, формированием фондов музеев (в первую очередь за счет спасенных от разграбления предметов старины и искусства), обследованием и охраной памятников средневекового зодчества. (Следует сказать, что примечательные с точки зрения архитектуры постройки XIX – начала XX в. в большинстве случаев не считались историко-культурными памятниками, и, например, красивые частные особняки, так называемые дачи, в Феодосии, Коктебеле, Судаке, Старом Крыму не брались на учет ради их поддержания и охраны, в них, как правило, размещались санатории, дома отдыха [ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1132. Л. 32-32 об.]). Этой организацией длительное время, сменив Г.А. Бонч-Осмаловского, руководил известный краевед Александр Иванович Полканов, совмещавший эту работу с должностью заведующего Центральным музеем Тавриды в Симферополе.

В этот период становления музейного дела в рождавшемся советском государстве работникам КрымОХРИСа и музеев приходилось заниматься многочисленными и разнообразными делами, а средства на содержание и развитие музеев отпускались небольшие и штаты му-

⁸ А.И. Полканов заметил, что в первые годы после окончания гражданской войны почти не было старых опытных музейщиков, в музеях работали художники, архитекторы, искусствоведы. Эти культурные, образованные люди добросовестно исполняли свои обязанности, но в большинстве случаев они случайно оказались в военное время в Крыму и не чувствовали себя надолго связанными с ним, так что многие в конце концов покинули полуостров [Полканов, 1930, с. 97-98].

⁹ В записях М.А. Волошина неоднократно упоминается доктор Валентин Николаевич Пирлик (1889 г. рожд.), живший в Симферополе [Купченко, 2007, с. 155, 180, 181, 183, 201]. Фамилия Пирлик редкая. Не был ли он родственником Екатерины Елисеевны? К сему добавлю, что Волошин был знаком с Екатериной Елисеевной еще с дореволюционных времен [Купченко, 2002, с. 407].

зейных работников были невелики. В Феодосийском археологическом музее (как, кстати говоря, и в Картинной галерее И.К. Айвазовского) числилось три человека: заведующий, научный сотрудник и сторож [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 1. Л. 95]. Местные власти и охрисы привлекали к поиску и учету ценностей ученых, писателей, учителей, художников, артистов, постоянно или временно живших в то время в Крыму и бескорыстно, по зову сердца участвовавших в этой нелегкой работе. Особенно велики заслуги поэта и художника Максимилиана Александровича Волошина, художника Константина Федоровича Богаевского. И, тем не менее, далеко не все те, кому доводилось изымать и распределять имущество «бывших», были людьми культурными и компетентными, а порой и бескорыстными, так что ущерб от их деятельности оказался ощутимым.

К величайшему сожалению, множество культурных ценностей погибло в разгар гражданской войны и после нее тоже. Грабеж был повальным, процветал вандализм: книги, документы, картины, мебель, ковры, посуду уничтожали или портили просто так, от безнаказанности. Пострадали имения Н.А. Маркса в Отузах, Юнге в Коктебеле, Капнистов в Судаке... Людям, занимавшимся спасением реликтов, удавалось далеко не все – и не только потому что их было мало, но и в связи с тем, что условия, в которых им приходилось действовать, были самыми неблагоприятными. На сохранности художественных ценностей сказалось и то, что часть их – предметы роскоши, антиквариат – была продана новыми властями за границу.

И все-таки... В марте 1921 г. на музейной секции подотдела искусств отдела Наробраза (на которой присутствовали Г.А. Магула, К.Ф. Богаевский и другие) обсуждается вопрос о доставке изъятых ценностей и размещении их в Феодосийском музее [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 1. Л. 11]. В августе того же года выходит приказ Крымревкома, объявляющий собственностью Крымской республики и передающий в полное распоряжение КрымОХРИСа «все художественные, исторические и бытовые памятники», запрещающий без разрешения КрымОХРИСа занятие, использование и перестройки исторических зданий, а также проведение раскопок на памятниках. Наблюдение за исполнением приказа возлагалось на милицию и ревкомы. В списке памятников по Феодосийскому уезду значились: дом Айвазовского с картинной галереей, остатки генуэзских крепостей в Судаке и Феодосии, ханского дворца в Старом Крыму¹⁰, мечетей в Карагозах (Первомайское, *Киров.*) и в Колечь-Мечети (Новопокровка, *Киров.*) – всего пять историко-архитектурных памятников [ГААРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 15. Л. 65, 66 об., 67 об.].

К началу 1922 г. сотрудникам Феодосийского охриса удалось собрать около тысячи предметов искусства [Козлов, 1994, с. 142]. 18 марта 1922 г. на заседании

¹⁰ За остатки ханского дворца нередко принимались руины караван-сарая – постоялого двора средневекового Солхата [Домбровский, Сидоренко, 1978, с. 35].

Президиума Крымского Совнаркома (Советы сменили ревкомы в 1921 г.) принимается решение о пополнении фондов Феодосийского музея [ГААРК. Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 116. Л. 2] – речь шла все о тех же ценностях, которые чудом сохранились в брошенных хозяевами имениях после разгрома в годы гражданской войны [Андросов, 2002, с. 27–28]. 19 июня 1922 г. Феодосийский охрис получает уведомление об отпуске денежных средств на содержание музеев г. Феодосии [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 1. Л. 102], каковых было три: Картинная галерея, музей Археологический и Художественный¹¹. Конечно, главное внимание уделялось галерее – туда свозилась и значительная часть ценностей, там оседали и большие средства, выделявшиеся на содержание музеев.

В том же, 1922 г. КрымОХРИС производит первый, хотя и неполный учет археологических памятников полуострова; в 1926 г. составляется список археологических, архитектурных и революционных памятников и музейных зданий Крыма, находившихся в ведении КрымОХРИСа и Главнауки; вопросы охраны памятников старины обсуждаются на конференциях музейных работников Крыма, проходивших в 1922–1930 гг., а также на археологических конференциях в Керчи 1926 г. и в Херсонесе 1927 г. [Полканов, 1928, с. 176, 178–179; Охрана и изучение памятников..., 2008, с. 61–69].

Во всех этих работах активное участие принимала Е.Е. Пирлик-Шоститко-Малаявская и как член КрымОХРИСа, и как сотрудник Археологического музея.

Казалось бы, в столь тяжелое время государство заботилось не только о хлебе насущном, но и о ценностях духовных, непреходящих. Однако в этой сфере, как, впрочем, и в иных, дела шли не так гладко, а зачастую и совсем плохо. В феврале 1924 г. А.И. Полканов в докладной записке, направленной в Реставрационный отдел Главнауки, с возмущением писал: «В течение последних десяти лет реставрационные и ремонтные работы не производятся вовсе. Охрана их сошла на нет. Памятники разрушались, с одной стороны, от времени, с другой – местным малокультурным населением, пользовавшимся ими как материалом для отопления и построек» [Охрана и изучение памятников..., 2008, с. 108–109]. Александр Иванович также отмечал, что наименее благоприятными для памятников истории и культуры были 1923–1924 гг.: «снова начинает развиваться кладоискательство, это исконное зло крымской археологии... а также и разрушение памятников для построек... Так, несмотря на все протесты, была обезображена пристройкой открытой сцены феодосийским Коммухозом великолепно сохранившаяся геноузская “Константиновская” башня», в Старом Крыму из вала золотоор-

¹¹ Образованный в 1923 г. Художественный музей находился в доме И.К. Айвазовского, его заведующим был Н.С. Барсамов. В этот недолго существовавший музей стекались ценности, собранные в покинутых хозяевами имениях (в дальнейшем его коллекция перешла в фонды галереи Айвазовского). Кстати сказать, с той же целью в 1921 г. были созданы художественные музеи в Судаке и Новом Свете, также недолго просуществовавшие (их коллекции Барсамов перевез в Феодосию).

дынского времени регулярно добывали камень на мощение улиц [Полканов, 1928, с. 176; Полканов, 1930, с. 117–118]. Борьба с этим злом КрымОХРИСу помогал Крымский НКВД. 22 декабря 1924 г. Феодосийский горисполком принял постановление «Об охране памятников искусства и старины», обязавшее владельцев домов и арендаторов предоставить в недельный срок сведения об исторических памятниках, бывших на территории домовладений [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 4. Л. 21].

Но сотрудники охриса понимали, что всего этого недостаточно и нужно организовывать профессиональные археологические раскопки. Уже в 1923 г. по поручению КрымОХРИСа небольшие археологические работы проводились под наблюдением Е.Е. Пирлик-Малаявской в Старом Крыму [Татаринцева, 2011, с. 58].

Из-за отсутствия средств на археологические исследования и техническую охрану памятников было решено их зарисовывать, и дело это КрымОХРИС поручил одному из своих сотрудников – К.Ф. Богаевскому. Он сделал многочисленные акварели и рисунки: до 1925 г. – архитектурных памятников Феодосии, Судак, Старого Крыма, в 1926 г. завершил работу по зарисовке памятников Бахчисарайского, Карасубазарского, Ялтинского районов и Арабатской крепости [Полканов, 1928, с. 177]¹². Сохранились также карандашные зарисовки архитектурных памятников Крыма, сделанные в 1927 г. профессором П.И. Голландским – сотрудником Центрального музея Тавриды, архитектором КрымОХРИСа, научным специалистом по охране памятников старины и искусства при уполномоченном Главнауки в Крыму; среди них – пять рисунков по Феодосии (виды средневековых армянских церквей св. Сергия (Саркиса) и свв. архангелов Гавриила и Михаила и вход в служебный флигель при так называемом дворце Екатерины II) и один – с изображением средневекового христианского храма, открытого в Отузах раскопками Н.С. Барсамова в 1927–1928 гг. [ЦМТ. КП-13894].

Ситуация в Феодосийском археологическом музее и в деле охраны исторических памятников Феодосийского округа в 1923–1924 гг. обрисована в отчетах, сметах и прочих документах музея [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3]. В духе времени сформулирована задача музея –

¹² Из недавно опубликованных художественных произведений К.Ф. Богаевского этого времени см. напр.: Памятники крымской старины в графике К.Ф. Богаевского: Из Национальной картинной галереи им. И.К. Айвазовского и Феодосийского краеведческого музея. Феодосия, 2006. Н.С. Барсамов отмечал, что акварелей и рисунков Богаевского было большое количество, только в 1928 г. в галерею Айвазовского их поступило четыре десятка, среди них были «точные изображения отдельных архитектурных сооружений прошлого, а также работы, на которых памятники старины изображены среди широкого пейзажа. Акварели в большинстве своем написаны с блеском и мастерством, свойственным графическим работам Богаевского. Значимость их далеко выходит за рамки архитектурных зарисовок. Часто они являлись совершенно самостоятельными, прекрасно выполненными художественными произведениями» [Барсамов, 1971, с. 75].

«культурно-просветительная работа, которая выражается в собирании научно-исторического материала и ознакомлении масс с прошлым Крыма путем чтения лекций и объяснения коллекций музея» [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 110].

В отчете за 1923 г., подготовленном Пирлик-Малявской по запросу КрымОХРИСа, отмечалось, что музейное собрание размещается в одном зале и состоит из отделов: эллинский, византийский, генуэзский, армянский, турецко-татарский, еврейский, русский (такая классификация памятников сохранилась с дореволюционных времен) [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 166]. По данным Екатерины Елисеевны, на 3 октября 1923 г. в музейной коллекции числилось 1348 предметов: доисторических – 6, египетских – 5, эллинских – 1036, византийских – 13, армянских – 14, генуэзских – 54, средневековых невыясненных предметов – 11, турецко-татарских – 30, еврейских – 6, русских – 20, к этому прибавлялись карты, планы, чертежи, виды и исторические документы [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 164]. В 1923 г. в музей поступило несколько новых экспонатов: девять монет, купленных музеем у частных лиц, три эллинских амфоры (одна – из раскопок кургана, две – случайные находки, обнаруженные при прокладке водопровода) и персидское кольцо (дар жителя г. Старый Крым) [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 166 об.]. Музейная библиотека насчитывала 1241 книгу [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 167]. Беспокорство заведующей музеем вызывала скудость нумизматического отдела – результат того, что в 1918 г. из музейного собрания было вывезено в Москву около двух тысяч монет, включая золотые [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 164-164 об., 166 об.]¹³.

Еще в октябре 1922 г. на 1-й крымской музейной конференции главное внимание работников музеев обращалось на культурно-просветительную работу, организацию экскурсий, лекций, выставок для «ознакомления масс с родным краем» [Полканов, 1930, с. 102]. Выполняя директивы свыше, Екатерина Елисеевна водила экскурсии по музею и городу, читала лекции по истории Феодосии для учащихся, членов профсоюзов и групп, организованных экскурсионным бюро, а еще проводила занятия с членами кружка «Юный археолог», организованного при охресе [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 166 об.]. В документах отмечалось, что в ноябре 1923 г. музей посетили 19 человек, в марте 1924-го – 38, с 1 октября по 1 апреля этого же года – 160¹⁴.

Фактически два человека – Е.Е. Пирлик-Малявская и А.К. Магула (научный сотрудник музея) – создали полный карточный каталог с описанием музейной кол-

¹³ Примечательно, что в 1912 г. Л.П. Колли учел в музее 1990 монет: 15 золотых, 1000 серебряных и 975 медных [Указатель Феодосийского музея древностей / Изд. 6-е. Феодосия, 1912. С. 32].

¹⁴ Для сравнения: галерею И.К. Айвазовского в ноябре 1923 г. посетили 89 человек, в марте 1924 г. – 122, с 1 октября по 1 апреля 1924 г. – 659 [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 10, 72, 77].

лекции, подготовили путеводитель по музею, составили археологическую карту Феодосии, к которой приложили путеводитель по городу и уезду, собрали материалы для составления археологической карты Феодосийского уезда [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 166 об.]. Работа по составлению археологических карт требовала специальных знаний и серьезных исследований, она имела не только научное, но и практическое значение, так как памятникам археологии угрожала опасность в связи начавшимся активным освоением земель в Феодосии и ее округе. Главная роль в этой работе принадлежала Екатерине Елисеевне, археологу по профессии (А.К. Магула имела среднее образование и небольшой стаж музейной работы [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 167]).

Наиболее сложной и зачастую не терпевшей отлагательств была работа по спасению и поддержанию исторических памятников в Феодосии и близлежащих к ней местах. Так, в документах КрымОХРИСа за 1924–1925 гг. говорилось о настоятельной необходимости выделить средства на укрепление в Феодосии остатков ворот и стены генуэзской крепости, фасада армянского фонтана, очистку турецких бань, на укрепление в Судаче четырех башен генуэзской крепости и ремонт крыши церкви, на поддержание в Старом Крыму армянской и греческой церквей, синагоги, мечетей, медресе и монетного двора, на ремонт мечетей в Карагозе, Колечь-Мечети, Ак-Монае (Каменское, *Лен.*), а также на ремонтные работы в здании Феодосийского археологического музея [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 158]. Но выполнить все это было невозможно из-за нехватки денег, стройматериалов, профессиональных рабочих. Делалось лишь кое-что, самое необходимое, так, в 1922 г. Феодосийский охрис смог осуществить ремонт в доме Айвазовского¹⁵, в 1924 г. – Колеческой мечети [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 4. Л. 11]¹⁶.

Е.Е. Пирлик-Малявская ездила по округу, осматривала памятники¹⁷. К счастью, у нее были добровольные помощники – члены кружка «Юный археолог». Документы свидетельствуют, что в сентябре 1924 г. Екатерина Елисеевна по заданию охреса отправилась в сопровождении кружковца А.М. Новосельцева в Старый Крым для изъятия из армянского монастыря резных дверей и трех икон – «Тайная вечеря», «Георгий Победоносец» и «Положение во гроб» [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 4. Л. 15-18]. В октябре того же года Новосельцеву было по-

¹⁵ До того оккупированного множеством разных учреждений, не имевших отношения к искусству и музейному делу. Дом Айвазовского стал музеем (картинной галерей) в августе 1921 г.

¹⁶ Колеческая мечеть была отремонтирована в 1917 г., а в годы гражданской войны «варварски разгромлена», но ее еще можно было спасти. Об этом доложил В.Д. Гейман на заседании ТУАК 25 июня 1920 г. [Филимонов, 2004, с. 123-124].

¹⁷ Со ссылкой на документ из ГИМа В.Ф. Козлов отмечает, что в 1925 г. сотрудники музея обследовали следующие населенные пункты Феодосийского округа: Козы, Кутлак, Ай-Серез, Ворон, Шелен, Арпат, Чобан-Куле, Капсихор, Судак, Карагоз, Старый Крым, Топлы; часть памятников была обмерена и зарисована [Козлов, 1994, с. 142].

ручено самостоятельно осмотреть памятники старины в селах Аджигал (Знаменка, *Феод.*) и Кулиш-Мечеть (Новопокровка, *Киров.*) [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-3]. Юноша был подготовлен к выполнению такого задания Екатериной Елисеевной. Тогда же, в октябре 1924 г., армянской общине г. Феодосии предлагалось передать в Археологический музей две плиты (как сказано в документе, ценные для науки и не имеющие значения для религиозного культа) из армянской церкви свв. архангелов Гавриила и Михаила и армянского Георгиевского монастыря [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 4. Л. 6]. Осмотром и приемом в музей новых экспонатов занималась Пирлик-Малявская, впрочем, больше было некому.

На плечи Екатерины Елисеевны легли также заботы по ремонту здания музея, который проводился в 1923 г. [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 13, 109 об., 110, 152, 159, 166]¹⁸. Здание находилось на горе Митридат, оно было построено в 1871 г. по проекту академика, архитектора Министерства двора и уделов Александра Ивановича Резанова на средства, полученные И.К. Айвазовским от выставки картин. За полсотни лет музейные фонды заметно расширились и появилась потребность в дополнительных площадях. В отчете за 1923 г. Екатерина Елисеевна отмечала, что помещение мало для музея, коллекции находятся в «скудном состоянии», отдаленность же музея от центра города и расположение на горе «вредно отражаются на посещаемости его» [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 166, 166 об.]. В связи с этим, продолжает она, в будущем предполагается перевести музей в дом Айвазовского и разбить коллекцию по трем отделам: эллинский, генуэзский и современной истории (со времени присоединения Крыма к России), при этом «с возможной полнотой осветить бытовую и производственную стороны каждой эпохи» [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 166]. Иное по сравнению с прошлым распределение коллекции было связано с намечавшейся реорганизацией музея в краеведческий.

Остается удивляться тому, как Е.Е. Пирлик-Малявской с ее немногочисленными и не имевшими профессиональных навыков помощниками удавалось так много делать в тех условиях. Все в том же отчете музея за 1923 г. она, например, пишет: «Отсутствие средств затрудняет свезение плит и фрагментов исторического значения, разбросанных по городу и уезду» [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 167]. Денег, транспорта катастрофически не хватало, а тяжелые плиты и архитектурные детали нужно было не только разыскивать на значительной по размеру территории, но и перевозить в музей, находившийся на горе. Возможно, несколько облегчило дело постановление Феодосийского горисполкома: «На основании декрета СНК от 7 января 1924 г. предлагается всем домовладельцам, арендаторам домов, управдомами, завжилтовариществами... в недельный срок подать

¹⁸ Средств на ремонт было выделено немного (105 руб.), и работы проводились небольшие – благо здание музея оказалось крепким, в свое время построенным, как говорится, на совесть.

сведения об имеющихся на территории их домовладений исторических памятниках» [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 4. Л. 21]. Однако на практике решать вопросы, связанные с обследованием и перевозкой памятников, приходилось заведующей музеем.

Осенью 1923 г. в местных властных структурах обсуждался вопрос о переводе Археологического музея в подвальное помещение Художественного музея, совершенно для этого не приспособленное (оно заливалось водой и было плохо освещено), и увольнении всех сотрудников Археологического музея в связи с ожидающимся значительным сокращением ассигнований на его содержание в следующем, 1924 г. [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 169-171]. Случись это, музей просто погиб бы. И еще одно весьма неприятное обстоятельство: 23 декабря 1922 г. в здании музея был взломан замок и похищены три картины, в том числе полотно И.К. Айвазовского «Древняя Феодосия» [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 166]. Это был далеко не единственный случай. Еще в марте 1921 г. Г.А. Магула обращался к начальнику Феодосийского отделения милиции с просьбой (впрочем, безуспешной) «назначить охрану при Археологическом музее, находящемся на Митридате, так как были неоднократные попытки вторжения в музей» [ГААРК. Ф. Р-1025. Оп. 1. Д. 203. Л. 14]. А.И. Полканов отмечал, что в промежутке между 1921 и 1923 гг. в Крыму не было ни одного музея, который не подвергся бы грабительским налетам [Полканов, 1930, с. 99]. Феодосийский археологический музей находился в месте довольно глухом, требовалась надежная охрана, а средств на это не было.

КрымОХРИС просит местные власти оставить музей на прежнем месте, сократить число его сотрудников до двух и обеспечить его содержание из местного бюджета. Музей не тронули [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 3. Л. 169]. Но ненадолго. Вскоре в его жизни произошли серьезные перемены. По решению КрымОХРИСа его, как и предполагалось ранее, перевели из здания на горе Митридат в бывший дом И.К. Айвазовского. Мера эта была вынужденной не только потому, что старое здание стало мало для размещения экспозиции и фондов, но и в связи с тем, что Археологический музей, как и большинство крымских музеев, не окупал себя (от платы за посещение музея прибыль была невелика). В связи со сложным материальным положением учреждения КрымОХРИСа уже в 1923 г. были сняты с республиканского бюджета¹⁹, значительно сократились их штаты (при том, что зарплаты сотрудников были мизерными, о чем свидетельствуют многочисленные документы из архивных дел), а вскоре и количество самих музеев [Андросов, 2002, с. 30].

В Феодосии был закрыт Художественный музей, а Археологический соединен с Картинной галереей И.К.

¹⁹ Феодосийский археологический музей в первом квартале 1925 г. существовал на т.н. спецсредства, но с 1 октября того же года был переведен на госбюджет Крыма [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 5. Л. 63, 153].

Айвазовского в одно учреждение, состоявшее на государственном бюджете.

Годы 1925–1936. Новый объединенный музей возглавил крымский художник, искусствовед и краевед *Николай Степанович Барсамов* (1892–1976). В июне 1925 г. были завершены ремонт соответствующего помещения в доме Айвазовского и переезд в него Археологического музея [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 5. Л. 49, 59-60 об., 63].

По воспоминаниям Барсамова, средств на переселение музея не отпустили, лишь две пароконные мажоры с возчиками (они же были грузчиками) выделил коммунальный отдел горсовета, так что музейщикам приходилось переносить мелкие вещи в корзинах и просто в руках [Барсамов, 1971, с. 58]²⁰. Можно представить, какая вновь нелегкая и, в общем, не женская работа выпала на долю Екатерины Елисеевны.

В новом объединенном учреждении, которое Н.С. Барсамов называл «музейным комбинатом», Е.Е. Пирлик-Малаявская заняла должность научного сотрудника и тут же «приступила к распределению коллекций по научным признакам» [Барсамов, 1971, с. 56, 57, 60]. В ее ведении были все дела по Археологическому музею, тем более что Николай Степанович большую часть рабочего времени отдавал галерее, да и, по его собственному признанию, участвуя в работе по размещению и оформлению экспозиции музея, он «очень смутно представлял себе основы археологической науки», «впервые познакомился с археологией Крыма» и вообще был «новичком в музейном деле» [Барсамов, 1971, с. 63]. Совместная работа с Екатериной Елисеевной принесла замечательные плоды: интерес к археологии Крыма «прочно вошел» в жизнь Барсамова [Барсамов, 1971, с. 63], позднее он опубликовал несколько работ по археологическим памятникам и истории Феодосии и даже самостоятельно проводил археологические раскопки²¹. Сказалось, конечно, и то, что он много читал и имел возможность пополнять свои знания и приобретать опыт в общении и в совместной работе с историками, археологами, искусствоведами, работниками музеев из Москвы, Петербурга, Симферополя, Севастополя, Керчи, ездил в деловые командировки в Москву и Ленинград, на музейные съезды в Москву, там же обучался на курсах по переподготовке, организованных Главнаукой [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 7. Л. 15 об., 240, 242, 244; Д. 8. Л. 72].

В 1925–1926 гг. Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения совместно с Бахчисарайским музеем при поддержке КрымЦИК, КрымСНК и Крымнаркомпроса была организована этнографо-археологическая экспедиция, которую возглавил заведующий историко-

этнологическим отделом ассоциации востоковедения профессор И.Н. Бороздин. В ней приняли участие О.А. Акчокраклы, А.С. Башкиров, К.Ф. Богаевский, У.А. Боданинский, П.И. Голландский, Б.Н. Засыпкин, Н.Л. Эрнст и другие. Участники экспедиции произвели учет и обмеры значительного количества памятников крымско-татарской архитектуры, собрали множество предметов быта и искусства в Бахчисарае, Евпатории, Карасубазаре (Белогорск), Старом Крыму, Судаке, Феодосии и иных местах. Крупномасштабные по тем временам раскопки провели в Старом Крыму – был вскрыт архитектурный комплекс XIV в.: медресе и примыкавшая к нему мечеть золотоордынского хана Узбека, руины караван-сарая; археологические разведки коснулись Коктебеля и Отуз – внимание археологов привлекли остатки средневекового времени на плато Тепсень²² и мусульманские надгробия с надписями в Отузах [БИКЗ. НВ-10258; НВ-11763; Охрана и изучение памятников..., 2008, с. 26-27, 133-139; Бороздин, 1926; Бороздин, 1927; Бороздин, Башкиров, 1927; Бюллетень, 1926, с. 6-7; Акчокраклы, 1927; Башкиров., 1927а; Боданинский, 1930; Домбровский, Сидоренко, 1978; Мусаева, 2004, с. 71 слл.; Ломакин, 2010, с. 232-244; Ломакин, 2010а, с. 137-143].

В 1925 г. сотрудник ГИМ, член Московского отделения РОПИК А.А. Фомин начал обследование исторических памятников Судака и его окрестностей. Состояние памятников было признано угрожающим, в соответствующем документе отмечалось, что они не охраняются. С тех пор на протяжении нескольких лет сотрудники ГИМ, ГАИМК, Управления Главнауки РСФСР занимались археологическими разведками и раскопками на территории генуэзской крепости в Судаке и в местах, близких к нему, одновременно производились ремонтно-реставрационные работы наиболее аварийных объектов, сооружение проволочных ограждений и прочие мероприятия, направленные на охрану памятников [Охрана и изучение памятников..., 2008, с. 10-11, 27-29, 87, 93-99, 101, 102, 103, 139-140, 178-180, 182]²³.

Сотрудники Феодосийского музея были хорошо осведомлены обо всех этих работах, не исключено, что при-

²⁰ В документе, датированном 12 июня 1925 г., говорилось, что на ремонт и перевозку Археологического музея была установлена смета в 639 руб. 50 коп. [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 5. Л. 49]. Скорее всего, эта небольшая сумма целиком ушла на ремонт, а на перевозку музейных фондов денег не хватило.

²¹ Список его трудов см.: [Жарков, 2011, с. 66-69].

²² В разведках на плато Тепсень 26 июля 1925 г. Бороздина и Башкирова сопровождал блестящий знаток местности в округе Коктебеля и Феодосии М.А. Волошин; археологи отдали ему на хранение фрагменты найденного ими в тот день пифоса [Купченко 1998, с. 23; Купченко, 2007, с. 272]. Максимилиан Александрович, с гимназических лет страстно увлеченный историей Крыма и в особенности его любимой Киммерией, изучал и пропагандировал прошлое полуострова; много путешествуя и обследуя округу Коктебеля, находил старинные вещи, украшал ими свой дом, кое-что дарил музею. Он был в курсе всех музейных дел, водил знакомство с сотрудниками музея, местными и приезжими учеными.

²³ С 1924 г. охраной Судакской крепости занимались КрымОХРИС и ЦМТ, в 1926 г. эта функция перешла в ведение Главнауки РСФСР и ГИМа. Уполномоченным Музейного отдела Главнауки по наблюдению за судакскими памятниками был назначен сотрудник КрымОХРИСа, архитектор-археолог П.И. Голландский.

нимали в них посильное участие. Особенно это касается Екатерины Елисеевны – профессионального археолога.

В июне 1925 г. Н.С. Барсамов получил предписание перевести в Феодосийский музей археологическую библиотеку Н.А. Маркса, хранившуюся на Карадагской станции [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 5. Л. 73, 75, 78, 90]. Вполне возможно, это задание выполнила Екатерина Елисеевна, которой уже доводилось ранее работать с архивом и библиотекой Маркса в его отузском имении.

К сожалению, мы не знаем, как долго Е.Е. Пирлик-Малявская проработала в музее и как сложилась ее дальнейшая судьба. Последние архивные материалы, в которых звучит ее имя, датируются серединой 1926 г.: в ведомостях на получение зарплаты за январь-июнь этого года она значится, а уже в августе в роли научного сотрудника музея выступает П.Н. Заболоцкий [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 7. Л. 250, 257; Д. 20. Л. 4]. Нам известен короткий, но очень бурный период в жизни Екатерины Елисеевны: с ноября 1920 г. по середину 1926 г. Эти годы были насыщены многими событиями и в ее личной жизни, и в деловой. В нашей памяти она останется одним из первых музейщиков и профессиональных археологов в послереволюционном Крыму, великой труженицей, так много сделавшей для спасения историко-культурных памятников полуострова и становления музейного дела в рождавшемся советском государстве.

Завершая наш разговор о жизни музея и состоянии историко-культурных памятников Феодосии и близлежащих к ней мест в первые годы советской власти, следует отметить, что при всех, казалось бы, неодолимых трудностях, с которыми столкнулась страна, к первой половине 1920-х гг. относятся значительные достижения в деле сохранения культурного наследия Крыма, в дальнейшем утраченные. Анализируя эту, в общем, парадоксальную ситуацию, С.А. Андросов связывает ее с такими обстоятельствами, как: появление настоятельной необходимости в сокращении расходов на содержание государственного аппарата (в результате в апреле 1927 г. был упразднен КрымОХРИС [ГААРК. Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 1241. Л. 18-18 об.], а его функции преданы инспектору по музеям при Крымнаркомпросе, который один не мог справиться со всеми делами, так что обязанности по поддержанию памятников легли на музей); существенное сокращение в конце 1920 – начале 1930-х гг. финансов, выделявшихся на поддержание памятников; значительные денежные затраты на ликвидацию последствий землетрясения, произошедшего на полуострове в ночь с 11 на 12 сентября 1927 г. (ущерб по Феодосийскому археологическому музею составил 875 руб.); разгром краеведческого движения в начале 30-х гг., порожденный стремлением новой власти окончательно порвать с прошлым, подняв на щит исследования, имевшие отношение к производству, классовой борьбе и т.п. [Андросов, 2006, с. 12-13]²⁴.

²⁴ Весьма показательным в этом отношении прекращение работы ТОИАЭ в 1931 г., бывшего преемником дореволюционной ТУАК.

С 1925 г. Феодосийский музей называется в архивных документах то археологическим, то краеведческим [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 5] (в это время в стране «наступила полоса широкой краеведческой работы» [Барсамов, 1971, с. 63]). Процесс преобразования Феодосийского музея в краеведческий растянулся на длительное время – два десятилетия.

Теперь музей состоит из двух отделов: истории древнего мира (с памятниками греко-римского времени) и истории средних веков (с памятниками генуэзскими, армянскими, еврейскими, татаро-турецкими). На стенах – планы, фотографии, акварели, рисунки с видами Феодосии, Судака, Старого Крыма²⁵.

Н.С. Барсамов вспоминал, как много хлопот сотрудникам музея доставило расположение экспозиции в новом помещении. Хотелось привлечь внимание посетителей к красивому разнообразию форм античных амфор, их тончайшим теплым тонам, для этого стены зала «побелили простой строительной известью с примесью ультрамарина и сажи» – получился «мягкий серо-голубой фон, очень тонко сочетавшийся с теплыми пепельно-розовыми и желтыми тонами керамики и золотистыми оттенками античных мраморов», а амфоры решили не ставить, как обычно в музеях, на подставках у стен, а «повесить их на штанге немного выше уровня глаз, на сильном свете, против окон»; в результате «простые изделия бытового назначения... стали выглядеть как подлинные произведения искусства» [Барсамов, 1971, с. 62]. Такой же принцип размещения экспозиции был применен и во втором зале: «Экспонаты, которые обычно выставляются вдоль стен на полу или на низких подставках, мы укрепили на стенах, окрашенных в суровый серый цвет. Тяжелые мемориальные плиты с крепостных стен и башен средневековой Феодосии с консульскими гербами и латинскими надписями, иногда перевитыми тугими завитками строгих орнаментов, создавали впечатление монументальности. Около них висели акварели и рисунки К.Ф. Богаевского, на которых художник изобразил общие виды средневековой Феодосии (Кафы), Судака (Солдайи) и отдельных башен, на которых были когда-то укреплены плиты. Столь необычная для научного музея экспозиция коллекций дала хорошие результаты, и даже специалисты-археологи неоднократно отмечали это» [Барсамов, 1971, с. 62-63]. Очевидно то, что Николая Степановича не подвело его художественное чутье. Он смотрел на экспонаты глазами художника и при самых скромных материальных возможностях сумел создать экспозицию оригинальную и приятную взору посетителей.

Музейная коллекция разместилась в трех залах [Барсамов, Заболоцкий 1927, с. 9]. Постепенно разрасталась библиотека музея – в нее поступали книги не только из бывших частных имений, но и от дарителей, кое-что музей покупал, например, такое роскошное и до сих пор не потерявшее свою научную и художественную значи-

²⁵ См. описание коллекции музея того времени: [Барсамов, Заболоцкий, 1927, с. 9 слл.].

мость издание, как «Античная декоративная живопись на юге России» М.И. Ростовцева (СПб., 1913–1914) [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 5. Л. 172].

Вскоре к двум музейным отделам добавился третий, отражавший события недавнего прошлого: революционное движение в Феодосии и Феодосийском районе и первые годы советской власти в Крыму. Его созданию способствовало то, что в конце 20-х гг. был ликвидирован истпартотдел при Феодосийском горисполкоме и часть хранившихся в нем документов и вырезок из местных газет, касавшихся предреволюционного и революционного времени, собранных В.Д. Гейманом, была передана в музей; такого же рода материалы поступили из Карадагской научной станции; кроме того, жители Феодосии охотно делились имеющимися у них документами, фотографиями [Барсамов, 1971, с. 63-64]. В 1930–1931 гг. предполагалось создать еще один отдел со сложным и скучным названием – «Отдел производительных сил края и производственных процессов». Его организация была вызвана реконструкцией сельского хозяйства в стране – отсюда необходимость изучать и фиксировать достижения и недочеты по внедрению новых культур, достижения социалистических методов работы. Отдел был призван наглядно демонстрировать «все производственные возможности края» [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 12, 30]. Со временем в музей стали поступать материалы по природе Восточного Крыма – основа будущего отдела природы.

Так в музее начало развиваться краеведение, однако не без трудностей: «В археологическом музее, – пишет Барсамов, – был только один сотрудник археолог, и краеведением заниматься было некому» [Барсамов, 1971, с. 63]. Работников в галерее и музее насчитывалось немного: директор; два научных сотрудника – один был хранителем галереи, другой – музея; художник (Богавский); со временем появился библиотекарь; остальные – технический персонал [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 5. Л. 11 об., 16, 18, 37, 80; Д. 20. Л. 6, 10, 11 и др.]. Должность хранителя музея (или археолога) со второй половины 1926 г. до ноября 1941 г. исполнял *Петр Никифорович Заболоцкий* (1878–?)²⁶. В связи с переводом Археологического музея «на начала краеведения» и с формированием отдела природы Барсамов просил вышестоящие органы увеличить штатное расписание на одного сотрудника – естествоведа (что сделано не было) [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 5. Л. 39, 41; Д. 7. Л. 104]²⁷.

²⁶ В справочнике по сотрудникам ФМД он ошибочно назван Петром Николаевичем [Сотрудники Феодосийского музея..., 2011, с. 74]. У В.П. Купченко годом его рождения назван 1883-й [2007, с. 559]. Заболоцкий имел незаконченное высшее образование, он приехал в Феодосию из Москвы [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 16. Л. 23; Д. 20. Л. 6, 231]. В годы немецко-фашистской оккупации, с ноября 1941-го по апрель 1944-го, исполнял должность директора музея [Петрова, 2011. С. 4].

²⁷ Должность естествоведа появилась в музее только после войны, когда в сентябре 1947 г. был открыт отдел «Природа Юго-Восточного Крыма»; первым его заведующим стал А.К. Пантелеев.

Ориентирование музеев на краеведение началось очень рано: уже на 1-й крымской музейной конференции 1922 г. основное внимание обращалось на их культурно-просветительную работу, на 3-й конференции 1924 г. говорилось о необходимости создавать широкую сеть краеведческих музеев, привлекать к музейному строительству народные массы, сближать работу музеев с партийными и культурно-просветительными учреждениями, на 4-й конференции 1926 г. музеи объявлялись «мощными органами культурно-просветительной работы», на трех последующих конференциях давалась установка на всестороннее участие музеев в социалистическом строительстве Крымской республики, изучение истории революционного движения, рабочего быта, национальных культур, широкое развитие антирелигиозной пропаганды, участие через выставки во всех общественно-политических компаниях [Полканов, 1930, с. 101-105, 108]. Полканов отмечал, что с 1928 г. начался качественно новый период музейного строительства в Крыму, для него характерно максимальное сближение музеев с массами и школой и расширение политико-просветительной деятельности [Полканов, 1930, с. 107]. А с 1929 г. в музейную практику вошли социалистические соревнования. Феодосийский музей, например, заключил договор о соревновании с Алушкинским дворцом-музеем [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 14]. В сводке о ходе соцсоревнования Барсамов докладывал инспектору музеев Крыма: в музей доставлена деревянная резная дверь начала XVI в., вывезенная в XIX в. из Феодосии и находившаяся в церкви в Карасубазаре в условиях, не подходящих для ее сохранности; организованы вечерние курсы для учителей по программе: физико-географический очерк Черного и Азовского морей, флора и фауна Крыма и Феодосийского района, геологи Крыма и окрестностей Феодосии, история Крыма и Феодосии по материалам музея, экономика Крыма и Феодосии, феодосийская живописная школа, методические занятия по подготовке к сбору краеведческого материала для организации естественно-исторического отдела музея (отдела природы) [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 14. Л. 13]. И это лишь часть достижений, которыми гордился музей.

Сохранившиеся от тех времен документы свидетельствуют о том, что галерея Айвазовского и Феодосийский музей пользовались успехом у местной и приезжей публики: в 1930 г. их посетили 24824 человека; в 1931-м – 26552; в 1932-м – 40517; в 1933-м – 39646; в 1934-м – 48573; в 1935-м – 50110; в 1936-м (на 15 октября) – 51072 [Архив ФМД. К.П. 24455. Д. 646. Л. 7; К.П. 24456. Д. 648]. В 1926 г. рассматривался вопрос о повышении стоимости входных билетов в галерею и музей. Н.С. Барсамов предлагал ввести плату для красноармейцев – 10 коп., для учащихся – 15 коп., для членов профсоюзов – 30 коп., для прочих граждан – 35 коп. (КрымОХРИС настаивал на увеличении платы для прочих граждан до 40 коп.) [ГААРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 7. Л. 45-46].

Немало внимания уделялось научно-

исследовательской работе. Барсамов в своих воспоминаниях писал, что в его обязанности входила «охрана исторических памятников на значительной территории – от Арабата до Алушты – по берегу моря и в глубь степи до Джанкоя. На это первоначально не отпускалось никаких средств и транспорта не было» [Барсамов, 1971, с. 56. См. также: Барсамов, 1928, с. 102; ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 8. Л. 72 об.].

Судя по сохранившимся сметам, музей со временем все же стал получать специальные средства на «научные расходы»: командировки для обследования края, снятие планов, обмеры, зарисовки, фотографии, копирование фресок средневековых храмов, соби́рание материалов, археологические раскопки, поддержание и изоляцию архитектурных памятников (починка крыш, дверей, окон, установка замков, заграждений), издание путеводителей и каталогов выставок [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 5. Л. 10, 11 об., 115, 139 слл.; Д. 7. Л. 5, 15-16; Д. 9. Л. 17, 59, 60; Д. 12. Л. 56; Д. 15. Л. 53, 54 об., 62, 90, 98, 152, 190, 203; Д. 19. Л. 1-2, 47, 99 об.]. Составлялись пятилетние планы археологических исследований с приблизительными сметами; так, в 1926–1930 гг. предполагалось произвести раскопки в южной части г. Феодосии – на территории древнего городища (его сохранности угрожало интенсивное строительство), раскопки курганов эллино-скифского времени, конденсаторов на Тепе-Оба и дольменов в районе Судака. На все это, по подсчетам Барсамова, требовалось 10365 руб. (при этом с каждым годом финансирование должно было понемногу увеличиваться) [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 5. Л. 76, 103, 116, 117-120 об.]. В июле 1925 г. заведующий КрымОХРИСом Полканов в письме к Барсамову писал о деньгах, выделявшихся музею на изучение и охрану памятников в Салах (Грушевка, Судак.), Эльбузлы (Переваловка, Судак.), Кизилташе (Краснокаменка, Феод.), Султановке (Южное, Феод.), Таракташе (Дачное, Судак.), Кутлаке (Веселое, Судак.), Капсихоре (Морское, Судак.), Арпате (Зеленогорье, Алушта.), Вороне (Судак.) [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 5. Л. 88].

Маленький отряд сотрудников музея занимался составлением археологической карты Феодосии и Феодосийского уезда (решение о составлении археологической карты Крыма было принято на Керченской конференции 1926 г.), обследованием историко-художественных памятников города – остатков гнузских стен и башен, средневековых церквей, мечетей – с целью выявления тех, которые нуждаются в срочном ремонте и реставрации, в том числе пострадавших от землетрясения, выявлял древние каменные плиты с надписями и рельефами, вмурованные в частные постройки, принимал меры к их выломке и помещению в музей, проводил разведки и охранные раскопки в феодосийской округе, составлял планы будущих археологических исследований [Барсамов, 1926; Охрана и изучение памятников..., 2008, с. 29-31, 51, 60, 61, 65, 82, 90-92, 103, 148-152, 163, 187-188].

Совместно со специалистами из Главнауки, Центральными реставрационными мастерскими и других науч-

ных организаций сотрудники Феодосийского музея обследовали некоторые архитектурные памятники города и его округи.

В августе-сентябре 1926 г. Центральные реставрационные мастерские организуют экспедицию в Крым под руководством архитектора, члена правления РОПИК Б.Н. Засыпкина. В ее маршрут входили в частности Судак, Старый Крым, Карагозы, Колечь-Мечеть, Эль-Бузлы (Переваловка, Судак.), а также Феодосия, в которой планировалось провести обмеры гнузских крепостных сооружений, турецких бань и церквей на Карантине: св. Иоанна Богослова, св. Иоанна Предтечи, св. Димитрия (Стефана), принять меры по укреплению фресок церкви св. Димитрия (Стефана). И вновь, как и при обследовании А.А. Фомина в 1925 г., состояние многих памятников в феодосийском археологическом районе было признано угрожающим; тревогу вызывали «расхищение населением» и отсутствие охраны памятников в Старом Крыму, раскопанных экспедицией И.Н. Бороздина, и в Судак; гнузская крепость и другие памятники Судака «исключительного археологического значения» нуждались в срочных ремонтно-реставрационных работах, которые «должны быть произведены с участием археолога» и «отвечать инструкциям Реставрационного подотдела Музейного отдела Главнауки»; не менее срочно требовалось провести ремонт мечетей в Карагозах, Колечь-Мечети и Эль-Бузлы [Охрана и изучение памятников..., 2008, с. 13-14, 26-30, 60, 90-91, 133-152, 138-139, 140-147, 162-164].

19 и 20 августа 1926 г. Б.Н. Засыпкин и Н.С. Барсамов осматривали архитектурные памятники Феодосии для «выяснения их состояния и принятия мер по их охране» [Охрана и изучение памятников..., 2008, с. 29-31, 148-152]. В составленном по этому поводу акте отмечалось, что церковь св. Сергия нуждается в капитальном ремонте. Здание «в настоящем виде является отчасти искаженным против первоначального вида, а именно: западная стена с порталом и колокольней над ним стоит изолированно, боковые стены отсутствуют. От южной стены сохранилась цокольная часть, которая служит в настоящее время подпорной стенкой для лежащего выше склона». Церковь не имеет кровли и купола, лишена сквозного проветривания и вентиляции, на стенах сырость, иконы в плесени. От влажности серьезно пострадала деревянная резная дверь с надписью, вывезенная, по преданию, из г. Ани (Армения). Эта дверь, «вполне возможно, является ценным образцом резьбы по дереву наряду с другими дверями в армянских церквях Феодосии и Карасубазара». Армяно-григорианской общине предписывается осуществить ремонт крыши, очистку двери от плесени (сделать это под наблюдением Барсамова), а также обеспечить уход за могилой И.К. Айвазовского, которая «приходит в запущенное состояние». «В случае отказа общины произвести означенные меры и непроизводства таковых к 25-му сентября считать необходимым изъятие резной двери и перенесение таковой под охрану музея». «Ввиду того, что

сырость стен и близкое присутствие грунтовых вод не гарантируют ликвидацию общей сырости здания, а следовательно, и сохранность двери, считать в принципе необходимым передачу дверей музею». Капитальный ремонт здания церкви намечался на следующий, 1927 г., при этом все работы рекомендовалось согласовывать с архитектором КрымОХРИСа П.И. Голландским и осуществлять под его наблюдением. Отмечалось, что очистка камней, в том числе каменных резных ворот, от слоя побелок должна быть произведена опытным специалистом.

По поводу церкви свв. архангелов Михаила и Гавриила говорилось, что она не нуждается в капитальном ремонте и реставрации, хотя на ее стенах имеются трещины. «По внешнему виду и внутренней конструкции здание представляет большой интерес. При входе с паперти в церковь находятся массивные резные двери... по преданию, привезенные из г. Ани». Армяно-григорианской общине предлагалось произвести ремонт черепичной кровли и планировку скатов, согласовав эти работы с П.И. Голландским. (Нужно сказать, что уже в сентябре 1927 г. этот храм серьезно пострадал от землетрясения, в связи с чем Барсамов обратился в Наркомпрос и Центральные реставрационные мастерские с просьбой выделить средства на его ремонт. Просьба не была удовлетворена, и через пять лет он вынужден был вновь просить реставрационные мастерские выделить деньги на его ремонт [Охрана и изучение памятников..., 2008, с. 187-188]).

Удовлетворительным было признано состояние армяно-католической церкви – в прошлом мечети (сохранились: минарет без верхушки и дверной портал михраба на северной стороне). В ремонте, однако, нуждалось небольшое купольное здание, некогда служившее подсобным помещением при мечети.

На общину лютеран возлагался ремонт черепичной крыши их церкви – также некогда бывшей мечетью, представлявшей собой небольшое квадратное здание, перекрытое куполом²⁸.

О еврейской синагоге сказано, что она позднего времени и что научный интерес представляют только «доска с надписью, михраб с орнаментацией и портал двери». Стиль орнаментации михраба и тот факт, что михраб обращен на юг, позволили Засыпкину и Барсамову предположить, что в прошлом и здание синагоги было мечетью. В акте отмечается, что все резные каменные части покрашены масляной краской, необходимо произвести их зачистку опытным реставратором, «так как детальное исследование орнаментации и техники позволит более точно датировать означенный памятник».

В стенах мечети, расположенной напротив табачной фабрики (бывшей фабрики Стамболи), имеются трещины, но «при поддержке кровли здание будет еще долго существовать». Мечеть квадратная в плане, перекрыта

большим куполом (диаметром 8 м) на сферических парусах.

Турецкие бани отчасти пребывают в руинном состоянии, но сохранились мужское и женское отделения, бассейн для воды, четыре мраморных водоема «очень интересной формы и орнаментации». Любопытны по конструктивным приемам «два маленьких изолированных помещения, где четырьмя tromпами сделан переход к эллипсоидной части, переходящей дальше в круглый в основании сферический купол. Остальные купола на килевидных и стрельчатых арках и сферических парусах». Признано необходимым очистить бани от грязи внутри и от растительности снаружи, отремонтировать крыши и каменные скамейки.

Каменный фонтан с тремя фигурами животных наверху, находящийся в бывшем доме Шепетея по ул. Виноградовской, признан исключительно ценным памятником, богато орнаментированным, но абсолютно бесхозным: «находится в жилом доме, где он постоянно подвергается порче детьми», его «правый угол совершенно разрушен». Требуются: «промазка швов, смазка кровли и флюстирование камней». Барсамов предложил перенести фонтан во двор музея (что тогда сделано не было и, между прочим, не сделано до сих пор).

По поводу двух фонтанов, что на ул. Греческой и ул. Виноградовской, сказано: они просты, но монументальны и представляют характерный для Феодосии стиль, необходимо отремонтировать их черепичные кровли.

Тревогу вызывало состояние башни Константина, к которой в 1924 г. был пристроен летний театр: «Служебная часть сцены занимает внутренность башни, и стены ее подверглись изменениям и порче, общий вид башни испорчен. Пристройка здания впритык, без законного разрыва, является грубым нарушением декрета об охране памятников старины». КрымОХРИС вовремя не отреагировал на посланное ему извещение о возведении здания театра.

Церкви св. Димитрия (Стефана) требовался ремонт: «Уже несколько лет замечается отшелушивание штукатурки и сырость стен, особенно это заметно на южной стороне, которая больше всех находится в земле. Обследование фресок необходимо представителем ЦГРМ».

Состояние церкви св. Иоанна Богослова признано удовлетворительным, но говорилось о необходимости произвести ремонт черепичной кровли.

«Наклонилась и грозит падением» часть стены генуэзской крепости около башни Криско на протяжении почти 100 м, в связи с чем предлагалось поставить четыре контрфорса.

Тогда же Засыпкин и Барсамов дали свое заключение по поводу так называемого Екатерининского дворца в Феодосии: «Двухэтажный с антресолями дом екатерининского времени находится в полном запустении и руинном состоянии. Осмотром выяснено, что снаружи и внутри здание ничего ценного не представляет. Историческая комнатка в антресолях, куда ведет деревянная винтовая лестница, полуразрушена и, очевидно, много

²⁸ До 1871 г., то есть до постройки здания музея на горе Митридат, в этой мечети находился Феодосийский музей древностей.

раз перештукатуривалась. Большой дом требует капитального ремонта и перестройки за ветхостью каркасных стен [второго] этажа. Ввиду неимения художественно-научного значения нашли излишним брать это здание на учет, а потому решили снять его из-под охраны, ограничившись снятием плана и фотографированием». (Этот «дворец» описан также в книге Н.С. Барсамова и А.И. Полканова 1927 г. издания: «Из архитектурных памятников русского владычества заслуживает внимания т.н. Екатерининский дворец (против городского сада, за собором). Дом этот внутри много раз переделывался и сейчас утерял большую часть особенностей архитектуры своего времени. Некоторое представление о его величии дает широкая каменная парадная лестница. Гораздо лучше сохранились более поздние пристройки к дворцу, выдержанные в прекрасном провинциальном Empire» [Барсамов, Полканов, 1927, с. 51]²⁹).

В связи с тем, что обследования И.Н. Засыпкина вскрыли «картину разрушения памятников древнейшей художественной культуры Крыма», в апреле-мае 1927 г. на полуострове работала экспедиция реставрационных мастерских во главе с их заведующим – художником, историком искусства И.Э. Грабарем – при участии сотрудников крымских музеев. Тогда были обследованы христианские и мусульманские памятники архитектуры и живописи полуострова, среди которых культовые постройки Феодосии, Судака, Старого Крыма, Карагоз, Колечь-Мечети [Козлов 1994, с. 145-146; Охрана и изучение памятников..., 2009, с. 14-15, 164].

Важным событием в деле охраны крымских раритетов стало постановление КрымЦИК от 18 октября 1926 г., запрещающее искажение и использование памятников, зарегистрированных в КрымОХРИСе, обязывавшее уведомлять Крымнаркомпрос обо всех крупных земляных работах, производившихся на полуострове, и предписывавшее сдавать в крымские музеи все археологические находки вне зависимости от способа их нахождения [Полканов 1930, с. 179].

В октябре же 1926 г. появился «Список археологических, архитектурных и революционных памятников и музейных зданий Крыма, находящихся в ведении КрымОХРИСа и Главнауки и считающихся национализированными» [Охрана и изучение памятников..., 2008, с. 9 слл., 61-69]. В ведение этих организаций попали следующие памятники Феодосии и феодосийско-

²⁹ См. описание этого здания: [Колли, 1903, с. 16-17]. В 1916 г. Л.П. Колли в письме в ТУАК сообщал, что архитектор г. Феодосии Кейль поднял вопрос о сооружении реального училища на месте пришедшего в ветхость т.н. Екатерининского дворца; на заседании ТАУК было решено обратиться с просьбой к Таврическому губернатору не разрушать здание, а отремонтировать с сохранением всех его архитектурных особенностей [Протокол заседания ТАУК 12 мая 1916 г. // ИТАУК. 1916. № 53. С. 238]. «Дворец» не снесли, но вряд ли и отремонтировали. В крымском альбоме П.И. Голландского есть рисунок «Вход в служебный флигель при бывшем дворце Екатерины II в Феодосии», сделанный им, по-видимому, в 1927 г. [ЦМТ. КП-13894. Л. 12].

го археологического района: остатки генуэзских стен и башен, остатки ворот в конце ул. Карантинной, дом Айвазовского (в котором располагались Картинная галерея и Археологический музей), бывшее здание Археологического музея на горе Митридат (в нем с 1926 г. по 1941 г. находилась сейсмическая станция; во время Великой Отечественной войны здание погибло), четыре древние церкви на Карантине, а также ряд памятников «Старого Крыма и района», в который включены Судак, Карагозы, Колечь-Мечеть [Охрана и изучение памятников..., 2008, с. 61-62]³⁰. Отдельно в списке фигурируют памятники, стоявшие на учете КрымОХРИСа и Главнауки. В Феодосии и феодосийском археологическом районе – это генуэзский ров (около пассажа, ул. Крепостная; Форштадт; Карантин); генуэзские мосты (у Педтехникума³¹, на пересечении улиц Крепостной и Суворовской, на ул. Карантинной и за Карантином); греческая церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы (на ул. Греческой); армянские церкви – св. Сергия, свв. архангелов Гавриила и Михаила, свв. Иоанна и Анны; Николаевская церковь (бывшая военная), стоявшая на древнем фундаменте; развалины храма св. Ильи на мысе св. Ильи; армянский Георгиевский монастырь; древние конденсаторы на горе Тепе-Оба (щебневые насыпи, которые феодосийский лесничий, инженер Ф.И. Зибольд принимал за древние конденсаторы влаги); так называемый Асандров вал античного времени³², следы которого ведут от Арабата (Рыбачкое, *Лен.*) к Аджикюю (Знаменка, *Феод.*); турецкое укрепление на Арабатской Стрелке; перечислены также памятники «Старого Крыма и района», Судака, Отуз, Коктебеля [Охрана и изучение памятников..., 2008, с. 65-66. См. также: ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 25. Л. 7, 8 об.]

Все эти памятники, бывшие в ведении и на учете КрымОХРИСа и Главнауки, находились также под наблюдением Феодосийского археологического музея. И

³⁰ В списке перечислены следующие памятники «Старого Крыма и района»: остатки древнего рва, вала и стены; развалины мечети Куршун-Джами – Свинцовой; т.н. мечеть Узбека; развалины медресе; руины караван-сарая; развалины бань, склепа и стен в саду, ранее принадлежавшем Самсони; развалины синагоги; армянский монастырь Сурб-Хач; мечети в Карагозах и Колечь-Мечети; древние армянские церкви близ Топловского монастыря и в имении, ранее принадлежавшем Бычковскому; генуэзская крепость и храм Двенадцати апостолов в Судаке; армянская крепость, камни с орнаментами, вделанные в фонтане, и развалины турецких бань в немецкой колонии в Судаке (что у подножия генуэзской крепости); остатки древнего монастыря (предположительно) и остатки стен более древнего здания в урочище Шайтан-Дере (сухая балка, берущая начало под северным склоном горы Сокол); древнее кладбище с дольменовидными могилами у дер. Токлук (Богатовка, Судак.); развалины укрепления Чобан-Куле (Пастушья башня; к западу от с. Морское, Судак.).

³¹ Ныне не существующего.

³² Ошибочно названный в списке Александровым. Научную дискуссию о месте расположения Асандрова вала см.: [Петрова, 2000, с. 111-115; Петрова, 2008, с. 137-139; Петрова, 2010, с. 349-350].

постановление КрымЦИК, и список памятников стали основой для деятельности его сотрудников.

В начале 1931 г. в связи с решением Наркомпроса РСФСР о переклассификации памятников истории революционного движения, старины и искусства в Главнауку отправляется список подлежащих охране памятников древней архитектуры, подготовленный комиссией Крымнаркомпроса. В нем к памятникам высшей категории причислены генуэзские укрепления в Феодосии и Судак, дольмены и менгиры у дер. Токлук (Богатовка, Судак.). К памятникам первой категории в Феодосии отнесены: генуэзские мосты, развалины четырех древних церквей на Карантине, армянские церкви св. Сергия и свв. архангелов Гавриила и Михаила; в феодосийском археологическом районе – древние конденсаторы на Тепе-Оба, Асандров вал, армянский монастырь Сурб-Хач близ г. Старый Крым, развалины мечетей в Карагозе и Колечь-Мечети, две армянские церкви у дер. Топлы (Тополевка, Белог.), развалины мечети Султан-Сале у дер. Джанкой (Подгорное, Феод.), турецкая крепость Арабат (у основания Арабатской Стрелки). В г. Старый Крым – место раскопок мечети Узбека и медресе, развалины мечетей Куршун-Джами (Свинцовой) и Бейбарса, караван-сарая, а также мечети Мюск-Джами (Мускусной), что по дороге от Старого Крыма в Изюмовку. В Судакском районе: развалины древней греческой церкви и турецких бань в немецкой колонии, укрепление Чобан-Куле, развалины христианских культовых построек на горе Голой (или Лысой – юго-восточный отрог горы Перчем-Кая) и в дер. Козы (Солнечная долина, Судак.) [ГААРК. Ф. Р-652. Оп. 4. Д. 756. Л. 8, 11-12].

Обследования историко-культурных памятников специалистами из Москвы, Ленинграда, Крыма, а также землетрясение, нанесшее ущерб многим архитектурным памятникам полуострова, побудили соответствующие организации в Москве и в Крыму выделить средства на их ремонт. В 1927–1928 гг. ремонтировались Судакская крепость (кстати сказать, в 1927–1931 гг. в Судаке и его ближайших окрестностях проводились археологические исследования под руководством таких специалистов из центральных исследовательских учреждений, как Ю.В. Готье, Н.Д. Протасов, Е.Ч. Скржинская, из Крыма – Е.В. Веймарн; в 1935 г. – под руководством В.В. Данилевского, в 1936 г. разведочные работы в окрестностях Судака возглавлял О.Н. Бадер), Карагозская и Колечская купольные мечети (ремонтные работы в Колечь-Мечети проводились Феодосийским музеем и в 1932 г. Устранением повреждений, нанесенных землетрясением мечети, занималась группа феодосийских камнетесов во главе с константинопольским мастером Яни Фоки³³), в

³³ В отчете Н.С. Барсамова о ремонте Колечской мечети в 1932 г. говорится, что по окончании ремонтных работ на ее стене краской была сделана надпись: «На основании декретов Советского правительства эта мечеть, как древнейший исторический памятник, ценный для науки о прошлом Крыма, состоит на особом учете и находится под охраной КрымСовнаркома. Разрушение мечети карается как уголовное преступление». Достоин внимания и то, что «учителем местной школы пред-

Старом Крыму – мечеть Узбека и монастырь Сурб-Хач, укреплялись руины медресе, раскопанного в 1925–1926 гг.; с 1925 г. были учреждены штаты платных надзирателей в Судаке и Старом Крыму, хотя вопрос об оплате работы сторожа монастыря Сурб-Хач еще неоднократно вставал перед музеем и Крымнаркомпросом [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 7. Л. 87, 88, 97, 100; Д. 9. Л. 65, 73, 178; Д. 13. Л. 12-12 а; Д. 15. Л. 57; Козлов, 1994, с. 149; Охрана и изучение памятников..., 2008, с. 102-105, 166-170. 182, 183].

Впрочем, поступающих средств не хватало и, как выясняется, не все они доходили до исполнителей ремонтных работ. В феврале 1928 г. Н.С. Барсамов был вынужден обратиться в Крымнаркомпрос с гневным посланием: «... сметные ассигнования из местных средств на нужды музея и охрану памятников никогда не доходят по назначению» по той причине, что проходят через многие инстанции; райисполкомы должны выделять деньги на охрану памятников непосредственно Наркомпросу, а Наркомпрос – музеям, иначе дело охраны памятников «будет оставаться в таком же неудовлетворительном, а подчас и плачевном состоянии, как теперь, и постоянно зависеть от случайностей», памятники же «от времени, недостатка охраны и некультурности населения постепенно разрушаются», «необходимо принять меры к их изучению, обмеру, зарисовкам, фотографированию, что возможно только при соответствующем отпуске средств» [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 8. Л. 69; Д. 9. Л. 20]. Более всего тревожило состояние раритетов Старого Крыма, особенно монастыря Сурб-Хач. В объяснительной записке к смете на их содержание на 1927–1928 гг. Николай Степанович обращал внимание вышестоящих органов на тот факт, что на раскопки, ремонт и охрану старокрымских памятников «не получено ни одной копейки за пять месяцев», между тем сметой предполагались расходы на обмеры, снятие планов и фотографирование памятников, ремонтные работы, устройство ограждений, зарплата смотрителю и сторожу монастыря Сурб-Хач; ранее правительство Крымской АССР и СССР тратило на эти памятники значительные суммы, теперь же охрана памятников находится «в самом критическом положении», это «может привести даже к разрушению того, что там достигнуто уже с такими крупными затратами» [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 9. Л. 21, 22, 73]. В конце сентября 1927 г. Барсамов обращается в Крымнаркомпрос по поводу смет на устранение повреждений, причиненных землетрясением церкви и мечети в Феодосии, монастырю Сурб-Хач, мечетям в Карагозах и Колечь-Мечети; но еще и в 1928 г. музей не получил ожидаемых средств на их ремонт [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 7. Л. 168 а, 169; Д. 9. Л. 37, 52].

Очевидно, что на ремонт и охрану памятников день-

ставлен материал для доклада на очередном сельском сходе о научной ценности памятников старины и необходимости бережного к ним отношения» (Охрана и изучение памятников..., 2008, с. 91-92). Нам есть чему поучиться.

ги отпускались небольшие и делалось это не всегда вовремя, нередко их приходилось, что называется, выбивать, и все-таки ремонтные работы проводились, и памятники по возможности старались охранять.

Несмотря на очень скромные финансовые возможности, музей самостоятельно занимался археологическими изысканиями в округе Феодосии (что, вообще говоря, поощрялось в те времена, так как входило в планы развития краеведения в Крыму). Так, на культурно-исторической секции I-го крымского краеведческого съезда, состоявшегося в сентябре 1925 г., обсуждались вопросы: «об охране, учете и исследовании памятников старины» и «итоги, перспективы и план археологических работ» [Первый Крымский краеведческий съезд ..., 1925, с. 58]. В 1927–1928 гг. в центральной части побережья Отузской бухты Н.С. Барсамов совместно с П.Н. Заболоцким вскрыл небольшой (8,4 x 5,1 м) одноабсидный христианский храм с захоронениями внутри него. Николай Степанович определил эту постройку как «христианский храм базиличного типа»: «Об этом говорят как план здания, так и наличие большого количества оштукатуренных камней со следами фресковой живописи, металлические вставки для свечей и фрагменты стеклянной лампы, найденные под большими плитами пола» [Барсамов, 1929, с. 166]. Под полом было обнаружено шесть захоронений: пять – в деревянных гробах, одно – в каменном. В публикации Барсамова имеются общий план крепости, которую он ошибочно принял за средневековый монастырь, и план храма [Барсамов, 1929, с. 165, 167]³⁴.

Храм находился на территории генуэзского замка Калиера (название известно из генуэзских географических карт – портоланов), возведенного на вершине холма Кордон-Оба, в 18 км от Каффы. Замок был построен в процессе освоения генуэзцами юго-восточного побережья Крымского полуострова. Храм, как и весь крепостной ансамбль, существовал с последней четверти XIV в. до турецкого завоевания Крыма в 1475 г.³⁵

В те же годы сотрудники музея в ходе разведок в Коктебеле и его округе собрали керамический материал, проливавший свет на прошлое поселка. Н.С. Барсамов просил М.А. Волошина «предоставить для работы составленный поэтом некогда план коктебельского городища»³⁶. И уже в 1929–1931 гг. под руководством Барсамова на плато Тепсень проводятся археологические раскопки средневекового городища. Здесь также,

как и в Отузах, были обнаружены остатки христианского храма. Открытый памятник Николай Степанович датировал XI–XII вв. и считал его славянским на основании сходства обнаруженной на городище керамики с древнерусской кухонной посудой. Раскопки памятника, неоднократно проводившиеся в дальнейшем (в ходе которых обнаружены жилые и хозяйственные помещения, христианские храмы, могильники), привели исследователей к выводу: тепсеньское городище, существовавшее в середине VIII – середине X в., является памятником салтово-маяцкой культуры в ее крымском варианте, оставленным праболгарским населением Крыма (и, тем не менее, изучавший этот памятник В.В. Майко отмечает, что проблема сходства салтово-маяцкой кухонной керамики Крыма с древнерусской до сих пор остается открытой)³⁷. Работы экспедиции Барсамов представил в брошюре, снабдив текст планами и рисунками, сделанными им самим³⁸.

Н.С. Барсамов не был профессиональным археологом, но нужно отдать ему должное: он первым начал исследование двух значительных средневековых памятников Юго-Восточного Крыма и тем самым подготовил почву для будущих более масштабных археологических изысканий в этих местах. Важно, что Барсамов имел возможность консультироваться со специалистами из Москвы, Петербурга, Симферополя. Имело значение и то, что его ближайшим помощником был П.Н. Заболоцкий, уже имевший некоторый опыт археологических поисков.

Заболоцкий проводил разведки и небольшие раскопки в Юго-Восточном Крыму. Результатом этих работ стала брошюра «Очерки доисторического прошлого Крыма: Следы каменного века в Юго-Восточном Крыму» (Феодосия, 1931) [См. также: Заболоцкий, 1931]. «С 1926 г. и по настоящее время, – пишет он, – следы человека эпохи каменных орудий в Юго-Восточном Крыму обнаружены в 13 местах, причем наиболее обширными и обильными по своим находкам являются четыре стоянки каменного века в следующих местах: 1) в долине Чалки, между Отузами и Козами, 2) близ Коктебеля, в речной долине, у т.н. каньона³⁹, 3) близ Феодосии, у Лысой горы, и 4) у устья Черной балки, близ дер. Дальние Камыши» [Заболоцкий, 1931а, с. 4; Барсамов, 1928, с. 102; Барсамов, 1933, с. 49]. При обследовании этих мест Заболоцким были найдены фрагменты кремневых орудий и керамика первобытной эпохи, кости животных (они были помещены в фонды Археологического музея). Обнаруженные материалы Заболоцкий отнес к эпохе неолита (и, в целом, не ошибся: послевоенные разведки и раскопки, проводившиеся в основном академическими институтами при участии сотрудников Феодосийского краеведческого музея в местах к северо-западу и в большей мере к северо-востоку от Феодосии,

³⁴ См. также рисунок с остатками раскопанного храма, сделанный П.И. Голландским 12 августа 1927 г.: ЦМТ. КП-13894. Л. 22. Планы Барсамова и рисунок Голландского ценны как исторический источник, ведь вскрытые остатки храма до нашего времени не сохранились.

³⁵ См. подр.: [Мыц, 1991, с. 153; Мыц, 2009, с. 243. Прим. 16; Бочаров, 2004, с. 188; Бочаров, 2001].

³⁶ Максимилиан Александрович «передал Барсамову несколько древних черепков, найденных им и его женой на Тепсене», а «уже после смерти мужа Мария Степановна Волошина передала в музей древний бронзовый крест, найденный поэтом на Тепсене» [Купченко, 1998, с. 23, 24].

³⁷ Барсамов, 1932; Майко, 2004, с. 6-7, 252-253, 275-284.

³⁸ Барсамов, 1932, табл. 1-14 (план храма – табл. 10).

³⁹ Это место Заболоцкому в 1928 г. указал М.А. Волошин [Заболоцкий, 1931а, с. 5; Купченко, 1998, с. 24].

принесли новые свидетельства того, что в эпоху мезолита и неолита здесь обитали люди [Мацкевой, 1977]).

В эти годы сотрудники музея занимались также исследованием щебневых насыпей на склонах горы Тепе-Оба, принимавшихся Ф.И. Зибольдом за генуэзские водосборные конденсаторы [Зибольд, 1904; Барсамов, 1928, с. 102; Зибольд, 2000]. Эти работы проводились ради того, чтобы использовать опыт генуэзцев для добычи воды, которой во все времена не хватало в Феодосии и ее округе (примечательно, что в 1930 г. музей, выполняя задание Крымводхоза по обследованию щебневых насыпей на Тепе-Оба, поручил эту работу А.М. Новосельцеву, бывшему ученику Е.Е. Пирлик-Малаявской [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 16. Л. 19]). Нужно, однако, сказать, что идея Зибольда, вызвавшая большой интерес в научных и инженерных кругах, все же не подтвердилась: исследования на Тепе-Оба, проводившиеся в 1990-х гг. директором Феодосийского краеведческого музея Е.А. Катюшиным совместно с французской исследовательской группой, показали, что насыпи из щебня и грунта являются невысокими курганами некрополя античной Феодосии [Бейсанс, Жиода, Морель, Катюшин, Евсеев, 1997].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. Феодосийский музей ведет интенсивную по тем временам издательскую деятельность. Несколько вышедших в свет книг, посвященных прошлому Феодосии и ее округа, музейным коллекциям, были рассчитаны на широкий читательский круг.

В 1927 г. Н.С. Барсамов и П.Н. Заболоцкий опубликовали «Путеводитель по Феодосийскому музею: Археологическое отделение» (Феодосия, 1927. 22 с.) с кратким изложением истории Феодосии и перечнем музейных экспонатов по отделам: античность и средневековье.

В том же году Н.С. Барсамов и А.И. Полканов издали книгу «Феодосия: Прошлое города и археологические памятники» (Феодосия, 1927. 56 с.). Она содержит план Феодосии с указанием исторических мест и историко-культурных памятников. Описание памятников важно для нас, так как не все они сохранились до нашего времени, другие изменили свой внешний вид. Наиболее подробны рассказы о генуэзских укреплениях (стенах, башнях, рвах, мостах) и средневековых церквях: на Карантине – о церквях св. Иоанна Предтечи, св. Иоанна Богослова, св. Георгия и св. Димитрия (Стефана); за пределами Карантина – о развалинах церкви св. Ильи и св. Анны, о церкви Георгиевского монастыря, храмах св. Сергия и свв. архангелов Гавриила и Михаила, о двух церквях, по преданию построенных на древних фундаментах, – св. Николая и Введения. Далее следует описание трех мечетей и дюрбе (что во дворе мечети Муфти-Джами), еврейской синагоги и караимской кенасы, феодосийских фонтанов (со способами добычи воды феодосийцами и гипотезой Зибольда) и турецких бань, нескольких старых жилых домов и так называемого Екатерининского дворца. Авторы предлагают чи-

тателям три маршрута, наиболее удобных для осмотра памятников феодосийской старины. Путеводитель дает четкое представление обо всех сохранившихся к 1927 г. раритетах города. Книга снабжена рисунками, позволяющими представить, как выглядели памятники архитектуры в 1920-х гг.

Близка по содержанию книга Н.С. Барсамова «Феодосия и ближайшие окрестности: Экскурсионный очерк» (Феодосия, 1933. 57 с.)⁴⁰. Но в ней есть новый раздел – описание близлежащих к Феодосии мест: Коктебеля и Отуз, Коз и Токлука (Солнечная Долина и Богатовка, Судак.), Старого Крыма (с развалинами мечетей Бейбарса и Узбека, медресе, остатками крепостных стен. Автор отмечает, что архитектурные памятники Старого Крыма изучаются московским Институтом востоковедения, Бахчисарайским и Феодосийским музеями, что «в результате археологического обследования города и раскопок в последние годы накопилось большое количество памятников древности, помещенных в специальном хранилище в городе, являющимся филиалом Феодосийского музея» [Барсамов, 1933, с.53]; упоминаются также «большая древняя мечеть» в Карагозе и армянский монастырь Сурб-Хач.

А.И. Полканов отмечал, что 1925–1927 гг. были наиболее благоприятными для крымской археологии и для дела охраны памятников: 18 октября 1926 г. КрымЦИК издал постановление, запрещающее искажение и использование памятников, зарегистрированных в КрымОХРИСе, и обязавшее сдавать в крымские музеи все археологические находки независимо от способа их обнаружения; дважды при активном участии местных музеев составлялись списки археологических памятников; в эти годы на наиболее значимых памятниках появились ограждения из колючей проволоки и охрана (старокрымские памятники и монастырь Сурб-Хач получили сторожей, Судакская крепость – смотрителя и сторожа), а также начался ремонт «наиболее угрожаемых памятников», среди которых Судакская крепость, монастырь Сурб-Хач, Карагозская и Колечская мечети. В то же время Полканов отмечал, что средства на охрану и ремонт памятников, «большинство которых относится к памятникам мировой культуры и имеет исключительное научное значение», отпускались «чрезвычайно скудные», особенно с 1927/8 бюджетного года [Полканов, 1928, с. 177-179; Полканов, 1930, с. 118-121. См. также: ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 7. Л. 21, 22, 87, 88, 97, 100 и др.; Барсамов, 1928, с. 102; Охрана и изучение памятников... С. 15, 97, 98].

Период с 1928-го по середину 1930-х гг. оказался особенно неблагоприятным – средства на ремонтно-реставрационные работы, экспедиции, пополнение музейных коллекций, издательскую деятельность отпускались мизерные, почти не велся учет памятников, немало их было разобрано на стройматериалы или использовалось не по назначению, в 1927 г. функции Кры-

⁴⁰ Уже после войны вышла в свет еще одна его книга: [Барсамов, 1957. 196 с.].

МОХРИСа передаются инспектору по делам музеев при Крымполитпросвете, в 1929 г. упраздняется должность уполномоченного Главнауки и музеи переходят в подчинение Крымнаркомпроса, с 1930 г. не собираются музейные конференции [Полканов, 1930, с. 96, 107; Козлов, 1994, с. 140]. (Такое отношение к памятникам старины не прошло бесследно, и центральным органам власти пришлось принять меры по их охране. В 1932 г. при Президиуме ВЦИК РСФСР создается Межвудомственный комитет по охране памятников революции, искусства и культуры, в 1933 г. принимается постановление «Об охране исторических памятников», в 1934 г. – «Об охране археологических памятников», в 1936 г. организовывается Всесоюзный комитет по делам искусств, в октябре 1940 г. КрымСНК принимает постановление «О состоянии охраны исторических памятников Крымской АССР», возложив дела по охране памятников, их учету, организации ремонтных и реставрационных работ на Крымнаркомпрос и передав функции консультативного органа по вопросам сноса, перемещения и реставрации исторических объектов Управлению по делам искусств Крымской АССР [Андросов, 2006, с. 14–15]).

Но даже в таких условиях сотрудникам Феодосийского музея удалось немало сделать. И это при том, что они бедствовали – достаточно привести фразу из документа 1926 г.: «... такой низкой зарплатой, как в музее, нигде нет» [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 7. Л. 15 об.]. И в дальнейшем условия работы музейщиков были весьма неудовлетворительными. В апреле 1936 г. Н.С. Барсамов в письме к председателю Феодосийского горсовета высказывал возмущение «неуместной и вредной грошовой экономией, проводимой Горфинотделом по отношению к единственному в городе культурному очагу», и констатировал: отсутствие денежных средств и недостающее число работников привело к тому, что «музей работает в ненормальных и абсолютно недопустимых условиях»; в мае того же года в письме к инспектору по музеям Крымнаркомпроса он пишет: «Бюджет Феодосийского музея за все время моей в нем работы... был настолько скуден, что мне приходилось мириться с крайне ограниченными штатами и выполнять зачастую работы, совершенно не входящие в круг обязанностей директора музея», музей, например, не имел возможности приглашать фотографа, и Барсамов сам вынужден был заниматься «систематической научной фотофиксацией архитектурных памятников древности и исторических объектов, фотографированием процесса археологических раскопок, производимых музеем, фотографированием музейных коллекций и т.д.» [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 20. Л. 159, 169].

Н.С. Барсамов заведовал Археологическим музеем в течение довольно длительного времени – с 19 октября 1923 г. по 19 сентября 1936 г. [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 20. Л. 198]. То, что при нем музей был объединен с галерей, с одной стороны, не очень хорошо – это в какой-то степени тормозило его развитие, ведь основное внимание обращалось на благоустройство галереи,

с другой – музеем повезло, так как во главе его стояла такая личность, как Николай Степанович Барсамов – человек образованный и увлеченный, он любил и изучал историю Феодосии и Восточного Крыма, заботился о состоянии музейных помещений и памятников старины в городе и его округе, по мере сил и возможностей пропагандировал исторические знания.

Судьба памятников культовой архитектуры. Прямое отношение к делам музея в 1920–1930-х гг. имела политика большевистской власти по отношению к религиозным культурам, молитвенным учреждениям и их имуществу. Атеизм следовало распространить по стране как можно скорее, а движимое и недвижимое имущество культовых учреждений сделать государственной собственностью и использовать по усмотрению местных органов управления. В монографии Ю.А. Катунина, посвященной православию Крыма в 1917–1939 гг., выделяется три периода во взаимоотношениях между государством и православной церковью на полуострове: в 1917–1920 гг. этноконфессиональная ситуация целиком зависела от смены различных политических режимов в условиях военного времени; с ноября 1920-го по 1928 г. большевистская власть создала нормативно-правовую базу, ограничившую деятельность религиозных организаций, закрыла монастыри и киновии, неоднократно проводила кампании по перерегистрации религиозные общин, давила на них экономически, с помощью налогов, стремилась произвести раскол внутри православной церкви; в 1929–1939 гг. повсеместно закрываются храмы – якобы по требованию трудящихся. Автор констатирует: «К концу 1930-х гг. на территории Крымского полуострова была прекращена деятельность всех конфессий, лишь в Симферополе на территории нового кладбища при Всехсвятской церкви продолжала действовать единственная религиозная община...» [Катунин, 2002, с. 8–10. См. также: Белоглазов, 1999]⁴¹.

В антирелигиозной борьбе власти использовали все доступные средства – при необходимости действовали прямо, неприкрыто, не считаясь с религиозными чувствами населения, но в связи со сложностью вопроса (кавалерийская атака на души чревата тем, что народ охладит к большевистским лозунгам, да и не всегда малообразованные представители власти знали, что нужно делать в том или ином случае) приходилось идти на временные компромиссы. Поначалу охваченные безумием борьбы и эйфорией победы хозяева новой жизни шли напролом. В дальнейшем, когда ситуация с верующими осложнилась, их действия стали более гибкими. Впрочем, нельзя не отметить, что советам все же удалось в короткий срок – за два десятка лет – покончить с церквями и их обителями.

Уже 20 января 1918 г. Совнарком принимает Декрет об отделении церкви от государства и школы от церк-

⁴¹ Во время Великой Отечественной войны деятельность большинства православных приходов в Крыму была возобновлена, в 1950–1960-е гг. основная их масса была вновь ликвидирована, на 1990-е гг. приходится начало их возрождения.

ви – настолько важным представлялся этот вопрос едва взявшим в свои руки власть Советам. Начались репрессии, много священнослужителей было расстреляно. В ноябре 1920 г. при Крымревкоме создается церковный стол. В 1921 г. по стране разлетаются многочисленные инструкции и циркуляры, создаются комиссии, призванные внедрять положения декрета об отделении церкви от государства в жизнь. 1921–1923 гг. ознаменовались формированием в Крыму административных структур, которым вменялось в обязанность заниматься вопросами культа, осуществлять политику центра применительно к религиозным конфессиям полуострова. Неразберихи было очень много, мало кто понимал, что и как нужно делать, плодились соответствующие органы, дублируя функции друг друга. Прихожанам вменялось в обязанность заключать договоры об аренде их культовых помещений с описями движимого и недвижимого имущества; договор подписывала группа верующих из не менее двадцати человек – так называемые двадцатки. В 1922 г. развернулась кампания по изъятию церковных ценностей – предметов из золота, серебра и меди, драгоценных камней; в начале 1930-х гг. – по снятию с церквей колоколов (в Феодосии было 53 колокола общим весом 815 пудов 11 $\frac{1}{4}$ фунта)⁴².

При Феодосийском уездном ревкоме создается комиссия по отделению церкви от государства. В 1921–1925 гг. прихожане обращаются к местным властям с просьбой передать им имущество их молитвенных заведений и подписывают договоры о принятии этих заведений в бессрочное и бесплатное пользование при условии, что они будут следить за состоянием помещений и вовремя за свой счет производить в них ремонтные работы⁴³.

Однако в те тяжелые времена людям приходилось думать в первую очередь о хлебе насущном, на ремонт храмов у прихожан не хватало средств, ко всему им нелегко было найти стройматериалы и рабочую силу, так что проводившиеся ими ремонтные работы не всегда соответствовали техническим требованиям и в большинстве случаев не завершались к строго определенному в договоре сроку. Как правило, по этому удобному для

⁴² См. акты об изъятии ценностей из храмов Феодосийского округа: ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 230. См. также: Катунин, 2002, с. 212 слл., 289 слл., 401. Табл. 3, 3.

⁴³ В 1922 г. в Феодосии и Феодосийском округе было зарегистрировано 107 религиозных учреждений: православных – 31, мусульманских – 41, иудейских – 2, прочих – 33. Из них в г. Феодосии – 25 (7 православных церквей, 5 мечетей, 2 синагоги, прочих – 11); во Владиславовском районе – 14 (5 православных церквей, 6 мечетей, прочих – 3); в Старокрымском районе – 17 (8 православных церквей, 5 мечетей, прочих – 4); в Ичкинском районе – 34 (8 православных церквей, 17 мечетей, прочих – 12); в Судакском районе – 17 (3 православных церкви, 11 мечетей, прочих – 3) [ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 153; Д. 1662. Л. 22; Катунин, 2002, с. 199, табл. 3, 1]. См. список церквей и молитвенных домов всех вероисповеданий по Феодосийскому округу за 1923 г.: ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 416. Л. 39 об.; Д. 419; Д. 441. Л. 5; Д. 816. Л. 224-225. За 1924 г.: ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 409. Л. 28, 40.

властей по поводу договоры с верующими расторгались и храмы закрывались⁴⁴. Ко всему местные власти сумели воспользоваться в своих целях сложной ситуацией, которая сложилась в Феодосийском благочинном округе в 20-х гг., когда в православии произошел раскол и шла борьба между различными течениями, в особенности между «староцерковниками» и «обновленцами». В этой ситуации, основываясь на архивных материалах⁴⁵, разбирался Ю.А. Катунин и пришел к выводу, что раскол был инспирирован органами ГПУ и НКВД, что, «заключив политический союз с движением “староцерковников”, органы власти продолжали свою игру по снижению влияния церкви на жизнь общества» [Катунин, 2000, с. 89; Катунин, 2002, с. 74 слл.].

Раньше всего ликвидировались монастыри [Катунин, 2000; Тур, 2006]. В относительной близости от Феодосии их было три. Решение об их ликвидации было принято уже в 1923 г. [ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 396, 409, 416].

На территории Кизилташского монастыря св. Стефана Сурожского (у горы Кизилташ, недалеко от Судака) в 1921 г. была создана детская трудовая колония, монахи организовали трудовую артель; но уже в 1923 г. киновия ликвидируется, ее постройки приходят в ветхость и через несколько лет сносятся⁴⁶.

Монахини Топловской Троице-Параскевиевской обители (около с. Тополевки, бывш. Топлу, *Белог.*) вынуждены были создать трудовую общину, под ее прикрытием жизнь монастыря продолжалась до 1929 г., когда трудовая община ликвидируется и на месте монастыря создается совхоз «Безбожник»⁴⁷. В 1922 г. помещения Казанского подворья Топловского монастыря в г. Феодосии передаются в аренду Коммухозу, в 1924 г. здесь открывается детская колония [ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1132. Л. 20 слл., 33].

Армянский монастырь Сурб-Хач, как пустующий, был ликвидирован в 1925 г.⁴⁸ Так как монастырские постройки представляли «историческую ценность», решено было передать их в ведение КрымОХРИСа (благодаря

⁴⁴ Поводы могли найтись и другие. Так, уполномоченному армяно-католической церкви Дуранте инкриминировали укрывательство имущества польской римско-католической каплицы, дело передали в суд и оба церковных заведения закрыли, между тем никто имущество каплицы не прятал, просто его надо было сохранить (летом 1924 г. в каплице была осуществлена кража) [ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 16. Л. 14 слл.].

⁴⁵ Главным образом на документах [ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1166].

⁴⁶ Возрождение монастыря началось с 1998 г.

⁴⁷ Возрождение монастыря началось с 1993 г.

⁴⁸ В акте осмотра монастыря комиссией от 9 июня 1925 г. говорилось, что лишь древняя церковь хорошо сохранилась, хозяйственные же постройки в полуразрушенном состоянии, в жилых корпусах сняты оконные рамы и двери, течет крыша, прогнили полы, если в ближайшее время они не будут отремонтированы, то вскоре придут в полную негодность, двери в монастырь и во все его строения открыты или вообще отсутствуют [ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 41. Л. 17-17 об., 19].

чему в корпусах был произведен ремонт и в Сурб-Хаче появился сторож); а на территории обители вплоть до Великой Отечественной войны находились пионерский лагерь и санаторий⁴⁹.

Во второй половине 20-х – начале 30-х гг. большинство храмов и молитвенных домов в Феодосии и ее округе были закрыты⁵⁰. Судьба культовых зданий была различна: многие просто сносились, другие ветшали и разбирались на стройматериалы, иные приспособлялись под разного рода хранилища, мастерские, больничные учреждения, общежития, школы, читальни, клубы, спортзалы; больше повезло тем, которые были признаны памятниками культовой архитектуры (такowymi, как правило, считались средневековые культовые постройки), – они передавались в ведение КрымОХРИСа, музеев, их полагалось ремонтировать и охранять⁵¹.

Уже в 1924 г. решался вопрос о расторжении договора с группой прихожан православной церкви св. Богородицы, что на феодосийском Карантине (на территории Морской лечебно-наблюдательной станции), и передаче ее, как ценного исторического памятника, под охрану КрымОХРИСа [ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 273].

В 1930 г. Н.С. Барсамов хлопотал (и успешно) о передаче армянских церквей св. Сергия и свв. архангелов Гавриила и Михаила, а также лютеранской кирхи (которая находилась в здании средневековой мечети), состоявших на учете в КрымОХРИСе и не использовавшихся верующими по причине нарушения ими договоров об аренде, в ведение Феодосийского музея. При этом предполагалось, что «сами здания будут использованы... для сбора и хранения в них других крупных памятников старины, находимых в разных местах города» [ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 570. Л. 34, 53, 58, 60 слл.; Д. 853. Л. 21, 22, 24].

В феврале 1932 г. Николай Степанович обращался в

⁴⁹ В годы Великой Отечественной войны монастырские постройки значительно пострадали от боевых действий и разграбления, после войны были заброшены и разрушались. В конце 1980-х – 1990-е гг. здесь проводились реставрационные работы. В 1994 г. в храме Сурб Ншан возобновились богослужения. В 2002 г. монастырь возвратили Армянской апостольской церкви.

⁵⁰ См. книги учета функционирующих и ликвидированных храмов по Феодосийскому округу в 1925–1931 гг.: ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 1 об. и слл.; Д. 1587. Л. 66, 216 слл. На 1 марта 1931 г. в Феодосийском районе числилось 37 религиозных обществ: православных – 11, греческих – 2, армяно-григорианских – 1, евангелических – 1, лютеранских – 6, мусульманских – 16 [ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 18. Д. 42. Л. 15, 16]. К концу 1934 г. в г. Феодосии действовало только 10 из 25-ти культовых зданий, в начале 1937 г. – 7 (четыре церкви, мечеть, еврейская синагога, караимская кенаса), к апрелю 1939 г. их осталось два – синагога и кенаса (впрочем, власти считали, что они действуют незаконно, и ставился вопрос об их ликвидации) [ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 18. Д. 46. Л. 145, 169; Д. 90. Л. 6, 8].

⁵¹ По Феодосии и Феодосийскому району см. напр.: ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1595. Л. 5, 91-93; Д. 1663. Л. 66, 94-94 об., 113.

Феодосийский горсовет с просьбой передать в ведение музея здания двух храмов, в прошлом бывших мечетями: армяно-католического храма и все той же лютеранской кирхи [ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1790. Л. 1 слл.; Ф. Р-2060. Оп. 1. Д. 20. Л. 5]. В акте осмотра здания кирхи говорилось, что оно находится в ведении Крымнаркомпроса, который не предпринимает никаких мер по его охране, постройка «разбирается неизвестными лицами», оконные переплеты, ставни и двери разломаны, часть полов разобрана, крыша протекает. Дело закончилось тем, что по решению Президиума Феодосийского горсовета от 2 февраля 1932 г. это здание было снесено [ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1791].

Та же участь (по тем же причинам – постройки разрушаются и разбираются местными жителями) постигла в Феодосии две мечети (Кастель-Мале и Аджи-Чесме-Мале) в 1932 г. и крымчакскую синагогу в 1933 г. [ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1699, 1779].

В 1932 г. Николай Степанович, обеспокоенный аварийным состоянием церкви свв. архангелов Гавриила и Михаила, вынужден был обратиться за помощью в Центральные реставрационные мастерские: «С ликвидацией религиозной общины, на которой лежало поддержание здания и охрана его, и невозможности со стороны музея содержать сторожа при церкви, расположенной к тому же на окраине города, в ней систематически взламывались замки, двери с целью проникновения в церковь и расхищения деревянных частей ее, и наконец в начале этого месяца... были взломаны филенки боковых дверей, расхищена часть досок пола, в поисках кладов разрушены заложенные ниши в пристройке и т.д. Невозможность бороться с дальнейшими взломами, которые с наступлением холодов участились, мною были разобраны и вывезены из церкви в музей полы, алтарь (позднейшей работы), деревянная лестница на балкон и пр... После землетрясения 1927 г. эта церковь пострадала больше других феодосийских памятников... Мною тогда же была направлена в Крымнаркомпрос и Вам докладная записка с просьбой выделить средства на организацию ремонта памятника. Сейчас состояние его за пять лет, прошедших после землетрясения, ухудшилось, и неотложно требуется провести хотя бы незначительный ремонт по заделке трещин, укрепление сводов и пр... Прошу Вас... выделить со своей стороны 1000 руб. на производство ремонта, а также, если к тому будет возможность, командировать специалиста для указаний, какого характера ремонтные работы должны быть проведены» [Охрана и изучение памятников..., 2008, с. 187-188; ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 570. Л. 47; Д. 853. Л. 22, 24].

В апреле 1936 г. Барсамов обратился в Коммунхоз с просьбой отменить разрешение, полученное военными 8-го полка, на разборку Николаевской церкви (бывшей военной), стоявшей на древнем фундаменте; эта церковь находилась под охраной Крымнаркомпроса, и решение о ее разрушении должно быть непременно согласовано с ним [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 290]. Спасти

церковь не удалось: ее снесли.

За свою долгую историю Феодосия потеряла множество храмов. И все-таки религиозных построек в ней сохранилось больше, чем в иных местах, и сегодня город славится не только замечательными музеями и остатками генуэзских стен и башен, но еще и своими древними церквями.

«А какова послереволюционная судьба многочисленных конфессиональных святынь и реликвий?» – задается вопросом С.Б. Филимонов. Изучение документов ГААРК – дел «о ликвидации» (закрытии) храмов в 1920-е гг. – привело его к ответу: «... имущество ликвидируемых церквей распределялось, как правило, следующим образом: 1) имущество, имеющее историко-художественную и научную ценность, передавалось в “ведение КрымОХРИСа”...; 2) имущество культового характера, не имеющее историко-художественной ценности, передавалось в “центральное хранилище НКВД”; 3) все прочее имущество, имеющее “хозяйственную ценность”, передавалось в распоряжение отделов управления исполкомов “на предмет распределения” по их “усмотрению”» [Филимонов, 2002, с. 60, 63]. Значительную часть церковного имущества растащили, лишь кое-что попало в музеи.

В 1925 г. в Феодосийский музей перевезли резную дверь XVII в. из пребывавшего «в печальном состоянии» армянского монастыря Сурб-Хач [Охрана и изучение памятников..., 2008, с. 103]. В 1926 г. Феодосийский музей просил соответствующие органы передать ему на хранение древнюю деревянную резную дверь XIV в. из храма св. Сергия в связи с тем, что она начала разрушаться под влиянием сырости (ходатайство музея подтверждалось заключением архитектора Центральных реставрационных мастерских Б.Н. Засыпкина) [ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 570. Л. 31, 33]. Просьба была удовлетворена. (Обе двери и сейчас находятся в экспозиции музея.) В 1929 г. из армяно-католического храма св. Георгия в Карасубазаре, к этому времени уже фактически не функционировавшего⁵², были изъяты резные двери XIV в., некогда привезенные сюда из Каффы, и картина «Проповедь Иоанна Крестителя» неизвестного итальянского художника XVII в. И то, и другое передали в Феодосийский музей (ныне ни этих дверей, ни картины там уже нет, и судьба их неизвестна). В одном из документов, датированных апрелем 1932 г., Николай Стапанович сообщал о передаче Картинной галереи иконы работы И.К. Айвазовского, находившейся в алтаре ликвидированного феодосийского собора [ГААРК. Ф. Р-2060. Оп. 1. Д. 20. Л. 14].

Разумеется, не все из не сохранившихся до нашего времени культовых построек погибли в 20-х – 30-х гг. XX столетия, многих не стало ранее этого времени, не-

которых – позже. Из 13 греческих храмов Каффы, известных по письменным источникам второй половины XIV – XV в., до нашего времени сохранились три: св. Димитрия (Стефана) и св. Георгия на Карантине, Введения во храм Пресвятой Богородицы за пределами Карантина [Айбабина, Бочаров, 2002]. Из большого числа (до 30-ти) армянских средневековых церквей – пять: св. Иоанна Предтечи и св. Иоанна Богослова на Карантине; св. Сергия, свв. апостолов Гавриила и Михаила, св. Георгия (церковь бывшего Георгиевского монастыря) за пределами Карантина [Якобсон, Таманян, 1990; Катюшин, 1998, с. 86 слл., 130; Микаелян, 2004, с. 12-14, 21, 124 слл.; Саргсян, 2008]. Из этих старых церквей по своему прямому назначению сейчас используются три: армяно-григорианский храм св. Сергия и две православных церкви – св. Иоанна Предтечи (или Иверской иконы Божией Матери) и неоднократно перестраивавшаяся церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы (в остальных служба не проводится, храмы не используются)⁵³. Из мусульманских культовых построек сохранились две мечети: ныне действующая мечеть Муфти-Джами, возведенная в XVII в., и пустующая мечеть на ул. Тимирязева [Катюшин, 1998, с. 130-133]. Благодаря археологическим исследованиям выявлены остатки некоторых средневековых культовых зданий.

Годы 1936–1941. С середины 30-х гг. усиливается идеологическое давление на музейщиков. 6 марта 1936 г. Н.С. Барсамов, как и все директора крымских музеев, получает указание от Крымнаркомпроса пересмотреть тематику исследовательской работы музея, дабы положить в основу плана его работы на текущий год «решительное улучшение качества экспозиции разделов социалистического строительства», музеям предписывается «срочно обеспечить выезд в районы научных сотрудников для прочтения лекций, докладов, организовать выставки-передвижки по вопросам хозяйственно-политических кампаний в колхозах» и сообщается, что каждый музей прикрепляется к определенной МТС для ее обслуживания (лекции, доклады, организация выставок) за счет музейных средств [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 20. Л. 152, 153].

В 1936 г. создается Комитет по делам искусств, все художественные музеи, в том числе Картинная галерея И.К. Айвазовского, перешли в его ведение, а краеведческие музеи остались в подчинении Наркомпроса, Феодосийский – в подчинении Крымнаркомпроса.

В сентябре 1936 г. Феодосийский музей получил самостоятельность [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 20. Л. 198; Д. 25], однако по-прежнему оставался в доме Айвазовского и уже не вернулся в здание на горе Митридат. Именно тогда музей потерял подаренные ему И.К. Айвазовским пять полотен (Барсамов поместил их в Кар-

⁵² Храм был заложен на западном берегу реки Карасу в 1810 г. и за три года построен. В 1931 г. его окончательно закрыли, здание превратили в зернохранилище, а затем разобрали на строительный камень [ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 35. Л. 74, 75; Д. 415. Л. 2 об.; Д. 1515; Захаров, 2010, с. 91].

⁵³ Ныне действующими также являются закрытые в советское время православные храмы XIX – начала XX в.: Казанский собор, церковь во имя Всех Святых (взорванная в 1961 г. и заново построенная на рубеже XX–XXI вв.) и церковь св. Екатерины [Лихотворик, 2006, с. 14 слл.].

тинной галерее, они и сейчас там находятся и вряд ли вернутся на свое законное место, что, конечно, несправедливо) и некоторые другие произведения живописи. Началась более активная подготовка к реорганизации археологического музея в краеведческий. В документах довоенного времени он называется и историко-археологическим, и краеведческим (в докладе о работе музея его нового директора А.И. Даниленко в Крымнаркомпросе сказано, что музей реорганизован в краеведческий с 1937 г., хотя эта реорганизация началась раньше, еще при Барсамове, а завершилась уже после войны [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 1. Л. 51]). Название Феодосийский краеведческий музей окончательно утверждается в середине 1940-х гг.).

С сентября 1936 г. по октябрь 1941 г. должность директора музея занимал *Александр Иванович Даниленко* (1899–1978) – преподаватель истории, в прошлом партийный работник, в Феодосию прибыл из Симферополя [Евсеев, 2011, с. 72–74]⁵⁴. На 1 января 1937 г. штат сотрудников музея состоял из семи человек: директор, научный работник-археолог (П.Н. Заболоцкий), делопроизводитель, кассир, два сторожа и дворник [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 20. Л. 231].

Со второй половины 1930-х гг. центральные и местные власти стали больше внимания уделять музеям и охране памятников. В 1935 г. восстанавливается должность инспектора по музеям, с 1938 г. несколько улучшается финансирование музеев (выделяются средства «на приведение в порядок памятников революции и материальной культуры»), в 1939 г. научно-методический музейный совет при Крымнаркомпросе принимает решение провести учет памятников и ремонтно-реставрационные работы, в 1940 г. крымское правительство принимает постановление по защите памятников и намерено выделить стройматериалы и значительные средства на их ремонт и реставрацию в 1941–1942 гг. [Козлов, 1994, с. 140, 150]. Это в целом положительно сказалось на деятельности Феодосийского музея, хотя, конечно, не хватало сотрудников со специальным образованием, не хватало и отпускаемых на нужды музея и охрану памятников средств (да и времени оставалось мало на то, чтобы развернуть экспедиционную работу, организовать ремонтные и реставрационные работы на архитектурных памятниках, – неумолимо надвигался 1941 год).

Музейное собрание постепенно пополнялась памятниками старины, но главным образом материалами недавнего прошлого. Экспозиция состояла из четырех отделов: отдел античного рабовладельческого общества с подотделом первобытного общества, отдел феодального общества, отделы историко-революционный и социалистического строительства [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 10. Д. 107. Л. 12]. Во вводном отделе экспозиции были представлены собранные к тому времени материалы по природе, данные о происхождении Земли и жизни на ней человека. Экспозиция историко-революционного отде-

⁵⁴ После войны Даниленко еще дважды был директором музея – в 1952–1963 и 1966–1968 гг.

ла отражала события Крымской войны, развитие промышленного капитала в России, образование Социал-демократической рабочей партии, события революции 1905–1907 гг., Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций; отдел социалистического строительства – историю первых советских пятилеток [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 1. Л. 51].

И Даниленко, и Заболоцкий пришли на работу в музей, не имея опыта музейной работы, свою квалификацию они повышали в командировках, знакомясь с экспозицией других музеев – Симферопольского, Керченского (с ним у Феодосийского музея был заключен договор о соцсоревновании), Судакского, Старокрымского [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 15. Л. 8, 9]. В 1939 г. Даниленко был включен в состав музейного научно-методического совета при Президиуме КрымЦИК, на заседаниях которого рассматривались вопросы, связанные с разносторонней деятельностью музеев [Андросов, 2010, с. 165].

Из годовых отчетов за 1939 и 1940 гг., составленных директором музея, следует, что к 1940 г. число экспонатов увеличилось до 5131 (в экспозиции – 2119), к 1941-му – до 5142 (в экспозиции – 2134); расширила фонды музейная библиотека – к 1939 г. в ней насчитывалось 1188 книг, к 1940-му – 2231 (2232), к 1941-му – 2273; в музее имелись научный архив (64 единицы хранения) и фотолаборатория (840 единиц); ежегодно увеличивались денежные поступления музея, так, в 1939 г. они составили 41338 руб., в 1940-м – 46815 руб., за первый квартал 1941 г. – более 2 тыс. руб.⁵⁵; в 1938 г. в музее работали 8 человек, в 1939-м и 1940-м – 10–11: директор (единственный, кто имел высшее образование), научный сотрудник, научно-технический сотрудник, остальные – хозяйственно-технический и обслуживающий персонал; общая площадь помещений музея составляла 702 м² (под экспозицией: в 1939 г. – 376 м², в 1940 г. – 612 м²) [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 15. Л. 14; Оп. 10. Д. 107. Л. 12–12 об., 33–33 об., 58–59 об., 72–72 об.; Д. 339. Л. 30, 57; Оп. 11. Д. 1. Л. 43; Ф. Р-219. Оп. 1. Д. 1835. Л. 27; Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 369, 370, 371; Архив ФМД. К.П. 24456. Д. 648. Л. 24]. С 1936 г. ставки работников Феодосийского музея были приравнены к ставкам сотрудников других крымских музеев, в дальнейшем их зарплаты понемногу возрастали, тем не менее и в 1938 г. Крымнаркомпрос в докладной записке в Совнарком Крыма отмечал, что сотрудники Феодосийского музея имеют низкие оклады (так, научный сотрудник в Феодосии получал 225 руб., а в Ялте – 275 и 475 руб., в Керчи – 300 и 350 руб., в Севастополе – 400 и 450 руб., в ЦМТ – 450 руб., впрочем, в Евпатории – 170 руб.); в 1939 г. ставки повысились (директор получал 400 руб., старший научный сотрудник – 300 руб.) [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 5. Л. 143, 246 об.; Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 300, 369].

Музей находился в подчинении Крымнаркомпроса, финансировался из городского бюджета и получал до-

⁵⁵ И все-таки денег не хватало, см. напр.: [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 1. Л. 51 об.].

полнительно так называемые спецсредства, которые предназначались на организацию выставок, конференций, приобретение экспонатов, научные командировки, издательскую работу [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 5. Л. 143, 246 об.; Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 300, 369]. Но как раз научная работа в эти годы заметно ослабела – археологические раскопки не велись (хотя в ежегодно составлявшихся сметах расходов музея предполагались деньги на раскопки [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 369 об., 370 об.]⁵⁶), путеводители и другие книги не издавались. И все по тем же причинам – не хватало научных сотрудников и денег⁵⁷, не могла не сказаться также повышенная загруженность работников музея (фактически двух человек – Даниленко и Заболоцкого) организацией разного рода пропагандистской работы.

В соответствии с духом времени в работе музея огромное место занимала пропаганда идей марксизма и революционной борьбы. Отчеты и доклады директора музея пестрят фразами вроде: «Экспозиция насыщена антирелигиозным содержанием», «Вся экспозиция дана на фоне цитат из истории ВКПб», «Весь материал политически заострен (даны высказывания Ленина, Сталина, выдержки из истории ВКПб); на фоне Сталинской конституции и решений XVIII съезда ВКПб развертывается отдел соцстроительства», музей сделал экспозицию «политически заостренной и превратил в отличное пособие трудящимся для изучения ими на наглядном материале истории местного края и истории ВКПб» [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 1. Л. 51; Д. 15. Л. 7-14]. Особой заботой работников музея был отдел соцстроительства, задача которого состояла в демонстрации «яркой и убедительной картины наших достижений»; значимость же отдела природы, над созданием которого работали сотрудники музея, заключалась в том, чтобы показать «роль партии и роль воспитанного партией человека в изменении природы» [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 23. Л. 419].

В план на 1938 г. была внесена разработка научными сотрудниками таких тем, как «Октябрьская социалистическая революция в Феодосии», «Стахановское движение в Феодосии», но в то же время и таких, как «Флора и фауна Феодосийской бухты», «История Феодосии» [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 23. Л. 419]. В годовом отчете музея за 1939 г. отмечалось, что Заболоцкий и Даниленко разрабатывались темы: «Древнейшее революционное восстание в Крыму», «Городище эпохи раннего средневековья», «Броненосец “Потемкин” в Феодосии», «Феодосия в революции 1905 г.», «Остатки крепостничества в сельском хозяйстве дореволюцион-

⁵⁶ В 1938 г. на раскопки планировалось выделить 10 тыс. руб.; в 1940 г. музей получил на научно-исследовательскую работу, включая раскопки, 5 тыс. руб., но директор музея сообщил в Исполком горсовета, что на археологические изыскания нужно как минимум 20 тыс. руб., так что вопрос об их проведении отпал [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 369 об., 791-791 об.].

⁵⁷ Для примера: в 1940 г. расходы музея в целом составили 46717 руб. 84 коп., из них на науку и научное оборудование было израсходовано 1589 руб. 28 коп. [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 10. Д. 107. Л. 33].

ного Крыма», «Гражданская война в Феодосии», «Отдел социалистического строительства Феодосийского музея» [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 5. Л. 244; Д. 15. Л. 9-10; Оп. 10. Д. 107. Л. 58 об.]. План на 1940 г. предполагал разработку тем: Заболоцкий – «Выдающиеся памятники материальной культуры Феодосийского музея», «Работорговля в Феодосии античной и феодальной эпох»⁵⁸, «Историко-археологическое значение и проблемы Коктебельского городища»; Даниленко – «Гражданская война в Феодосии» и «Феодосия в революции 1905 г.». Намечалась также работа по подготовке к публикации брошюры «Старая и новая Феодосия» и путеводителя по музею (материалы были подготовлены, но книги так и не увидели свет) [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 5. Л. 244; Д. 16. Л. 50-51, 53-54].

Особое внимание уделялось организации экскурсий, лекций, выставок. В 1938 г. музей и выставки посетили 23400 человек, сотрудники музея провели 291 экскурсию; в 1939 г. число посетителей музея возросло до 28711 человек, а выставки вне музея посетили 15 тыс. человек, прочитано около сотни лекций в музее и вне его стен, из них свыше 30-ти – антирелигиозного содержания, лекциями и беседами было охвачено около 7 тыс. человек, организовано 12 выставок с 3200 экспонатами (помимо того действовали антирелигиозная выставка-передвижка и три постоянных выставки для Дома партпросвещения), сотрудники музея консультировали научных работников, студентов, преподавателей техникумов и средних школ, на базе музея прошли двухмесячную практику студенты исторического факультета Белорусского университета [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 5. Л. 244 об.; Д. 15. Л. 10-13; Ф. Р-219. Оп. 1. Д. 1835. Л. 27; Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 453 об.]⁵⁹. В феврале 1939 г. Даниленко обратился в президиум Феодосийского горсовета с просьбой открыть кредит из местного бюджета на оформление выставки, посвященной 21-й годовщине Красной Армии; на ней будет представлено около 600 экспонатов (документы, картины, репродукции); предполагалось, что только в феврале 1939 г. выставку посетит до 10 тыс. человек [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 606].

В плане на 1940 г. ставились задачи: дать не менее ста консультаций по вопросам краеведения учреждениям и отдельным лицам, организовать 13 выставок (включая выставку-передвижку для колхозов) и 250 экскурсий в музей трудящихся Феодосии и окрестных колхозов, прочесть 24 лекции на краеведческие темы в колхозах и 30 – на предприятиях, создать комнату юного краеведа в музее и десять краеведческих ячеек в школах, учреждениях и на предприятиях, организовать при музее практику студентов исторических факультетов вузов (в пер-

⁵⁸ Замечу, что наука не располагает сведениями о работорговле в античной Феодосии.

⁵⁹ Следует отметить, что в разных архивных документах не всегда совпадают цифры, отражающие количество посетителей музея, число проведенных его сотрудниками экскурсий и прочитанных лекций, впрочем, расхождения невелики.

вую очередь Феодосийского учительского института) [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 16. Л. 50-54]. В 1940 г. музей посетили 29379 человек, сотрудники музея провели 224 экскурсии, прочитали 57 лекций в музее и 32 – вне музея (лекциями и беседами были охвачены в музее 4049 человек, вне музея – 1750), организовали девять выставок (одну – в музее, остальные – выставки-передвижки) [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 10. Д. 339. Л. 30 об. См. также: Ф. Р-219. Оп. 1. Д. 1835. Л. 27].

К сентябрю 1938 г. Феодосийский музей намеревался открыть лабораторию для кружков юных краеведов. 5 августа 1938 г. директор музея сообщал в президиум Феодосийского горсовета об отсутствии средств, необходимых для этого. В его отчете о работе музея за 1939 г. говорилось о намерении создать при музее актив краеведов (скорее всего, это начинание не воплотилось в жизнь) [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 5. Л. 243; Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 405 об.].

Популяризаторская работа музея включала еще один немаловажный пункт: публикация в местной прессе всего нового, что появлялось в музее и в научных исследованиях его сотрудников [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 1. Л. 52].

Основываясь на данных, содержащихся в отчете А.И. Даниленко о работе музея за 1939 г., музейно-краеведческий отдел Наркомпроса РСФСР признал Феодосийский музей «одним из лучших политико-просветительных музеев Крыма» [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 16. Л. 49]. И посетители музея были довольны его работой, в отчете за 1939 г. сказано: «Книга отзывов посетителей полна хвалебных замечаний» (вместе с тем директор вынужден был констатировать: «... посетители музея вполне правильно отмечают бедность художественного оформления музея и необходимость иметь путеводитель по музею») [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 15. Л. 8].

Нужно, однако, отметить, что в тех же отчетах и докладах Даниленко отмечал, что из-за отсутствия средств сотрудники музея не могут закончить работу по созданию экспозиции, что в штат музея необходимо ввести еще двух научных сотрудников, что в Феодосии имеются памятники, нуждающиеся в ремонте (генуэзские стены и башни, церковь свв. архангелов Гавриила и Михаила, мечеть на ул. Бульварной, фонтан на ул. Греческой, турецкие бани; на ремонт всех этих сооружений требуется 12 тыс. руб.), и что в Феодосийском районе давно не ведутся раскопки. Даниленко просил выделить музею в 1938 г. 10 тыс. руб. на археологические изыскания в районе Карантина (понимая, что исследования памятников античного времени, каковые и следует искать на Карантине, особенно сложны, музейщики намерены были связаться с научными учреждениями Москвы – с ГИМ или ИИМК, чтобы проводить раскопки античного городища совместно со специалистами [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 23. Л. 419 об.]).

При всем внимании к событиям недавнего прошлого страны сотрудники музея не забывали о старине. Так, руководство музея просило Наркомпрос предложить

Центральному музею Тавриды выделить из своих фондов в пользу Феодосийского музея материалы по таврам и скифам [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 1. Л. 51 об.]. В отчете музея за 1939 г. отмечалось, что Заболоцкий подготовил материалы к археологической карте Феодосийского района, составил картотеку историко-археологических памятников и библиографический указатель по истории, археологии и краеведению Феодосийского района [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 5. Л. 244-244 об.; Д. 15. Л. 9]⁶⁰. Из отчета музея за 1940 г. следует, что под надзором Феодосийского музея находилось 23 (по другим данным – 25) историко-архитектурных памятника Феодосии и ее ближайшей округи [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 10. Д. 339. Л. 30; Архив ФМД. К.П. 24456. Д. 648. Л. 18]⁶¹. В задачу музейных работников входило учет и описание исторических памятников Феодосии и Феодосийского района, а также наблюдение за их целостностью; охрана же этих памятников была сначала прерогативой комиссии при Наркомпросе, потом – уполномоченного Горсовета (он назначался из состава членов президиума Горсовета), при котором работал совет «из сведущих лиц» – работников музеев, просвещения и др. [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 430, 605]⁶².

Состояние памятников вызывало серьезную тревогу у музейщиков. В докладной записке А.И. Даниленко в Феодосийский горсовет за март 1939 г. говорится, что среди памятников Феодосии местного значения одни пребывают в относительно удовлетворительном состоянии, другие требуют небольшого ремонта, но есть и такие, которые нуждаются или в срочном капитальном ремонте и реставрации, или в разборке на стройматериалы (с разрешения Крымнаркомпроса). И далее: «До сего времени Феодосийский горсовет совершенно не интересовался состоянием и судьбой исторических памятников города, из которых некоторые пришли в полный упадок. Имеется даже вопиющий факт совершенного уничтожения одного из памятников местного значения со стороны Отдела коммунального хозяйства горсовета, а именно: года два тому назад не только без разрешения Крымнаркомпроса, но даже без ведома местного Археологического музея, были разобраны до основания довольно хорошо сохранившиеся остатки старинного монастыря на Ильинском мысу (за Карантином), числившиеся в списке памятников местного значения...» [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 605-605]

⁶⁰ «Местные» археологические карты и музейные картотеки составлялись по заданию ГАИМК, в планы которой входило создание генеральной археологической карты Крыма [Охрана и изучение памятников..., 2008, с. 73].

⁶¹ К этому времени появились краеведческие музеи в Судаке и Старом Крыму, так что число памятников, находившихся под надзором Феодосийского музея, скорее всего, сократилось по сравнению с тем временем, когда музеем руководил Барсамов.

⁶² Охрана памятников и могил выдающихся деятелей искусства находилась в ведении Крымского отделения Всесоюзного комитета по делам искусств, в Феодосии его представлял директор галереи И.К. Айвазовского.

об.]. Директор музея предлагал «организовать временную комиссию для проверки состояния исторических и историко-революционных памятников города с целью выяснения, какие именно памятники нуждаются в ремонте», «ассигновать из средств госбюджета требуемую сумму для охраны и проведения в надлежащий вид памятников местного значения» [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 605 об.].

Ремонт и реставрация памятников государственного значения (генуэзской крепости, средневековых церквей) производились на средства, выделявшиеся центром; памятников местного значения (мечетей XVII в., фонтанов, турецких бань) – как на спецсредства из бюджета Крымской АССР, так и на средства из государственного бюджета [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 605].

В 1939–1940 гг. при участии музея ремонтировались стены и башни генуэзской крепости и армянские церкви в г. Феодосии [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 806 слл.; Д. 28. Л. 26 слл.; Козлов, 1994, с. 150]. В 1940 г. на их ремонт и реставрацию было отпущено музеем из госбюджета 55 тыс. руб., из них на ремонт и реставрацию крепости на Карантине – 50 тыс., башни Константина – 5 тыс. [ГААРК. Ф. Р-2055. Оп. 4. Д. 36. Л. 32; Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 816; см. также: Л. 823-837, 839]. Директор музея, однако, считал, что этой суммы недостаточно, о чем и сообщил в Крымнаркомпрос и в музейный отдел Наркомпроса РСФСР, обратив внимание этих организаций на то, что в Феодосии есть и другие памятники, находящиеся под государственной охраной (церкви XIV–XV вв., мечети XVI–XVII вв., фонтаны, турецкие бани) и нуждающиеся в ремонте; только на ремонт армянской церкви свв. архангелов Гавриила и Михаила требуется 20 тыс. руб. [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 817-817 об., 819-819 об.]. Даниленко составил сметы на ремонт памятников, но получил предписание из Наркомпроса РСФСР заменить дорогие материалы более дешевыми, а масштабы ремонтных работ сократить [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 823-837, 839-840 об.]. В августе 1940 г. начальник отдела государственной охраны памятников Управления по делам искусств при Наркомпросе РСФСР просил директора Феодосийского музея использовать средства, отпущенные на ремонт башни Константина, на «элементарную консервацию» церкви св. Сергия, церкви свв. архангелов Гавриила и Михаила и турецких бань, а заодно обеспечить их охраной от расхищения и «культурным использованием» [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 841]. При всех издержках ремонтно-реставрационные работы все же были проведены. Сохранился акт от 29 декабря 1940 г. об осмотре А.И. Даниленко, П.Н. Заболотским, представителем Горсовета и другими лицами памятников древности (Круглой башни и ворот генуэзской крепости на Карантине и армянских церквей св. Сергия и свв. архангелов Гавриила и Михаила) с целью проверки проведенного ремонта; ремонтные работы были признаны удовлетворительными [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 812, 820-822 об.].

Не всегда музею удавалось отстоять тот или иной памятник и привести его в должное состояние. Так, в мае 1939 г. Феодосийский горсовет обратился к Даниленко с вопросом: сможет ли музей найти средства на поддержание бывшей армянской церкви, ветхой и представляющей опасность для прохожих; если нет, то церковь придется разобрать. Ответ музейщиков был следующим: бывшая армянская церковь свв. архангелов Гавриила и Михаила, что в конце Армянской улицы, у Форштадта, является ценным памятником средневековья (1408 г. постройки) и находится на государственном учете; вопрос о ее реставрации или разборке может быть решен только Всесоюзным комитетом по делам искусств через его уполномоченного по Крымской АССР; что касается Феодосийского музея, то он не имеет ни средств, ни полномочий на реставрацию этого памятника [ГААРК. Ф. Р-4060. Оп. 1. Д. 15. Л. 636-637 об.].

Нельзя сказать, что в вышестоящих инстанциях не понимали, в каком бедственном положении находятся музеи Крыма и крымские памятники. В декабре 1938 г. Совнарком Крымской АССР принял постановление «О музейном строительстве в Крыму», в котором говорилось о необходимости проверить все материальные ценности музеев, ввести новую форму учета и хранения экспонатов, упорядочить штаты, выделять музеям средства на ремонт историко-культурных памятников (заодно, как и положено было в те времена, отмечалось, что «в ряде музеев имеется преступно халатное отношение к хранению ценностей») [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 5. Л. 132 слл.].

В документах конца 30-х гг., направленных в Совнарком Крымской АССР, работники Крымнаркомпроса сетовали на неудовлетворительное состояние музейных фондов и экспозиций, нехватку специалистов (в особенности археологов, архитекторов, этнографов) и низкие зарплаты сотрудников музеев, говорили об угрожающем состоянии многих памятников (включая феодосийские), о том, что средства на их ремонт не отпускаются и памятники давно не ремонтировались, выказывали недоумение по поводу неупорядоченности системы руководства охраной историко-культурными памятниками – в Управлении по делам искусств при СНК Крымской АССР не было работников, призванных отвечать за состояние памятников. В этой ситуации Крымнаркомпрос вынужден был обязать музеи заниматься охраной памятников, но в музеях на это не было средств, и памятники по большей части вообще не охранялись. Вызывало беспокойство и то, что археологические изыскания велись в Крыму в основном центральными научно-исследовательскими организациями и добытые материалы увозились в Москву и Ленинград, оседая в фондах ИИМК, ГИМ, МГУ, Эрмитажа. В 1939 г. Феодосийский музей получил из бюджета 20 тыс. руб., но в Наркомпросе считали, что на неотложный ремонт памятников ему необходимо выделить еще 10 тыс.⁶³

⁶³ Для сравнения: Центральный музей Тавриды – 80 тыс. [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 5. Л. 119-119 об., 127 слл.].

Наименее результативной была работа музея в области археологических исследований. Планов было много, но выполнять их было некому и не за что. В отчете за 1939 г. отмечалось, что музей намеревался произвести раскопки античного городища на территории Карантинна, однако из-за отсутствия средств и наличия в штате музея только одного археолога эти работы не были даже начаты [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 5. Л. 243; Д. 15. Л. 9]. На 1940 г. намечалось продолжить подготовку материалов для составления археологической карты Феодосийского района, провести разведочные раскопки на Карантинном холме, но уже совместно с археологами из ГИМ и ГМИИ, принять участие в экспедиции Ленинградского университета под руководством И.И. Бабкова по изучению древних конденсаторов на Тепе-Оба⁶⁴, провести археологическое обследование следов Асандрова вала, а также древнего гидротехнического сооружения в Феодосийской бухте, наличие которого было установлено Р.А. Орбели в 1939 г. в ходе гидроархеологических экспедиций ЭПРОНа на Черном море⁶⁵, издать путеводитель по музею и историческим памятникам Феодосии; в первой половине июля 1941 г. планировалось начать совместные раскопки на Карантине экспедиции ИИМК и Феодосийского музея во главе с В.Ф. Гайдукевичем (на эти работы ИИМК выделил 7 тыс. руб.) [Архив ФМД. К.П. 24455. Д. 646. Л. 4-5, 17; К.П. 24456. Д. 648. Л. 17; ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 16. Л. 50, 53-54]⁶⁶. Задуманным исследованиям не суждено было осуществиться: началась Великая Отечественная война – трагичная во всех отношениях для Крыма и принесшая невосполнимые потери и Феодосийскому музею, и историко-художественным памятникам Феодосии и близлежащих к ней мест⁶⁷.

Феодосийский музей попал в список музеев Крымской АССР, наиболее пострадавших в период фашистской оккупации [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 11. Д. 1. Л. 19]. В актах об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками культурно-просветительным учреждениям Крыма (1944 г.), вывезенные оккупантами из Феодосийского музея экспонаты оценены в 30 тыс.

⁶⁴ Эти обследования Бабкову удалось провести только в 1949 и 1952 гг. (Бабков, 1957).

⁶⁵ Видимо, речь шла все о тех же щебневых насыпях на Тепе-Оба, которые Зибольд принимал за древние конденсаторы влаги.

⁶⁶ Совместные раскопки ИИМК РАН и Феодосийского краеведческого музея на Карантине состоялись только в 1949, 1951–1952 гг. во главе с И.Б. Зеест; они были продолжены в 1975–1977 гг. экспедицией Института археологии АН СССР под руководством Б.Г. Петерса [Архив ФМД. К.П. 24261. Н.А. 2; К.П. 24303. Н.А. 4, 5; К.П. 25567. Н.А. 367; К.П. 28382. Н.А. 428; Зеест, 1951; Зеест, 1953; Петерс, 1979; Петерс, Айбабин, Айбабина, 1977; Петерс, Айбабина, Катюшин, 1976; Петерс, Беляев, Загинайло, 1978; Петерс, Голенцов, 1981].

⁶⁷ Об этом периоде в истории музея см. подр.: [Кончин, 1984, с. 16-18; Кончин, 1989, с. 32-51; Петрова, 2000, с. 33-35].

руб. (не считая тех, которые комиссия не смогла оценить), а те, которые были возвращены после войны из Германии (их 67), – всего в 3681 руб. [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 11. Д. 6. Л. 31-32 об.]. Комиссия установила, что на восстановление уничтоженного имущества музея, включая экспонаты, требовалось 284833 руб., частично поврежденного имущества – 53488 руб.; в ходе военных действий и в годы оккупации пострадали буквально все историко-архитектурные памятники Феодосии и Феодосийского района [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 11. Д. 6. Л. 23-23 об., 30-30 об.]⁶⁸.

Сейчас памятники археологии и архитектуры г. Феодосии и территории Феодосийского горсовета находятся в ведении Республиканского комитета АРК по охране культурного наследия (Феодосийскому музею древностей, находящемуся на пр. Айвазовского, 11, принадлежат: основное здание музея – бывшая гостиница «Генуэзская», памятник архитектуры начала XX в.; небольшой двухэтажный административный корпус; дворик с лапидарной коллекцией). В «Список памятников местного и национального значения, расположенных на территории АРК» включены следующие памятники г. Феодосии: остатки генуэзской крепости; генуэзский мост; церкви – св. Димитрия (Стефана), св. Георгия, св. Иоанна Предтечи (Иверской иконы Божией Матери), св. Иоанна Богослова, св. Георгия (Георгиевского монастыря), Введения во храм Пресвятой Богородицы, св. Сергия, свв. архангелов Гавриила и Михаила; мечеть Муфти-Джами; три средневековых фонтана; средневековый колодец; турецкие бани⁶⁹. Эти памятники, а также архитектурные памятники Феодосии XIX – начала XX в. и достопримечательности окрестностей города изучаются научными сотрудниками музея и пропагандируются ими в крымоведческой литературе, в прессе, входят в программу экскурсий и лекций, включены в туристические маршруты [Петрова, Катюшин, Евсеев, 2006, с. 164-182]. Многие памятники, однако, нуждаются в реставрации и в более тщательной охране, а музей – в значительно большей заботе феодосийских и республиканских органов управления.

⁶⁸ См. так же «Список памятников архитектуры по Крымской области в 1944–1945 гг.»: [ГААРК. Ф. Р-20. Оп. 11. Д. 7. Л. 3-3 об.]

⁶⁹ Список памятников местного и национального значения, расположенных на территории АРК. Симферополь, 2004. Т. 2. С. 372; Т. 3. С. 436-441. См. также: Т. 1. С. 138-146; Т. 2. С. 372-379.

Abstract

E.B. PETROVA

**THEODOSIA MUSEUM OF ANTIQUITIES AND PROTECTION OF MONUMENTS
OF THEODOSIA AND IT NEIGHBOURHOOD IN THE 1920–1930 YEARS**

The article is devoted to the study of the history of Theodosia Museum of Antiquities and of protection of monuments of Theodosia and its neighbourhood in the 1920–1930s. The new archival documents is entered into a scientific turn.